

ВІСТІ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

Подоль, прекрасная Подоль! съ сегодняшняго дня я уже не просто житель твой, а слуга. Полегчало на сердцѣ, повеселѣло на душѣ. Во всей Россіи, отъ затопляемой столицы до затопленныхъ кораблей, чрезвычайно скучно быть только жителемъ; въ нашей же коренной Руси, въ такъ-называемыхъ юго-западныхъ губерніяхъ, частному человѣку просто невыносимо. На глазъ заѣзжаго оно покажется, можетъ-быть, иначе, потому-что, на сколько вездѣ въ Россіи все тянется и рвется въ службу (хотя бы и не Россіи), на столько здѣсь у насъ все бѣжитъ службы (хотя бы и Руси). Но, разумеется, служащихъ буд-тобы отечеству и у насъ всегда полный комплектъ. Эта исключительность положенія Подоли и состоитъ именно въ томъ, что кое-гдѣ скучно, а у насъ и невыносимо, оставаться только зрителемъ, — имѣя очи, — видѣть; имѣя уши, — слышать; имѣя сердце, — чувствовать и, что всего хуже, имѣя мозгъ, — мыслить.

Когда я зажилъ въ деревнѣ, мнѣ съ самаго начала казалось, что я сдѣлалъ скачокъ назадъ лѣтъ за десять и очутился опять на школьной скамьѣ, окруженный надзирателями, репетиторами, старшими и младшими учителями, инспекторами, директорами и сторожами. Опять возродилось во мнѣ чувство постоянного безпокойства, что вотъ-вотъ отворится дверь и покажется какое-нибудь, власть имѣющее, лицо съ рѣзкимъ замѣчаніемъ. Какъ я разочаровался въ свободѣ и покоѣ деревенскаго быта!.. А, когда пожилъ да осмотрѣлся кругомъ, когда болѣе или менѣе познакомился съ прекрасною Подолью, — что я уви-дѣлъ!..

Чиновничество, съѣхавшееся съ разныхъ сторонъ и укомплектованное мѣстными волонтерами изъ-за пропитанія, изъ-за возможности не кончать гимназическаго курса и изъ-за надежды на подачку, представляетъ акціонерное общество своего рода, у котораго край словно на откупѣ.

Офицерство, не принятое ни въ одномъ изъ высшихъ домовъ, не видящее другой книги, кромѣ приказовъ, стоитъ надутое, особнякомъ, по квартирамъ, словно въ чужой, непріятельской странѣ и занимается выправкою солдатъ, доводя ее до невѣроятнаго совершенства въ своемъ родѣ.

Купечество—Еврей, это ужъ просто тайное общество, съ утра до вечера обдумывающее зрѣлства уничтоженія путей прямой, правильной торговли, ради развитія самаго уродливаго торгашества, рассчитывающее на затруднительное положеніе производителей, на совершенное отсутствіе всякихъ статистическихъ и коммерческихъ свѣдѣній и всякой поддержки не-еврейскаго кредита, а — главное—рассчитывающее на вѣрную подмогу днемъ и ночью другаго, акціонернаго, общества.

Духовенство здѣсь трехъ родовъ. Раввины не составляютъ отдѣльнаго класса; духовная дѣятельность ихъ, хотя и отзывается отражательно (рефлексивно) въ жизни Подолянъ, но она, для не-Еврея, такіе потѣмки, что, во избѣжаніе рѣзкихъ, грубыхъ ошибокъ, я лучше удержусь отъ характеристики здѣшняго еврейскаго духовенства. Скажу только, что тамъ, гдѣ раввинамъ приходится дѣйствовать открыто, они дѣйствуютъ безукоризненно; а если христіанинъ, имѣя споръ съ Евреемъ, идетъ на мировой судъ раввина, то рѣшеніе всегда бываетъ если не безпристрастное, то излишне-строгое для Еврея. Католическое духовенство въ нашемъ краѣ представляетъ собою папу, окончательно потерявшаго свое государство и живущаго, по проэкту Наполеона III, на содержаніи католическихъ державъ.

Такъ поставленное здѣшнее католическое духовенство выиграло только тѣмъ, что утратило прежній свой *политическій* характеръ, и не имѣетъ уже ни одного пая въ акціонерномъ нашемъ обществѣ. Конечно, тутъ я обхожу высшія іерархическія ступени, которыя замѣщаются избранными личностями, самой природой созданными для отличій.—Католическое духовенство на Подоли все погружено въ отправленіе обрядовъ. Отсюда сильное вліяніе его на набожность прихожанъ въ дѣлѣ всякаго моленія и замѣтное отсутствіе вліянія на прихожанъ въ дѣлѣ ихъ жизни по-за моленіями. Духовенство православное живетъ

здѣсь, какъ и офицерство, безъ входа въ дома высшаго класса и съ полнымъ пренебреженіемъ къ низшимъ. Какъ офицерство съ солдатами, такъ духовенство съ прихожанами видится только при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Кромѣ того, духовенство постоянно ведетъ съ народомъ денежные счеты, расчеты и борьбу по отбыванію имъ повинности, что совершается—не иначе, какъ, почти всякій разъ, съ помощью властей, или — водки. Положеніе православнаго духовенства, какъ въ вещественномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, самое грустное. Но нужно сказать и то, что это единственный классъ, рѣшительно не сознающій своего невѣрнаго положенія въ отношеніи къ народу и идущій по своему пути съ закрытыми глазами, даже не подозревая возможности другаго пути. Поэтому, день-отодня, положеніе его становится хуже и хуже для него-самого, и тягостнѣе для другихъ.

Экономы составляютъ у насъ тоже совершенно отдѣльный классъ и классъ многочисленный, потому-что къ этой категоріи примыкаютъ всѣ официалисты помѣщиковъ. Это задній дворъ помѣщичьей жизни; это пружина домашней дѣятельности помѣщичьихъ семействъ; это отгадыватели и исполнители всѣхъ помѣщичьихъ желаній; это ширма между главными двумя классами страны, ширма, которою помѣщикъ прикрываетъ свои иногда гаденькія побужденія, но изъ за которой не виднѣтъ, что самъ служить ей еще лучше ширмою для самыхъ уже безцеремонныхъ гадостей. Классъ этотъ смотритъ на крестьянъ рѣшительно какъ на верстать помѣщика, на которой выдѣлывается во что бы то ни стало возможно-большій доходъ и возлѣ котораго всякій подмастерье непременно долженъ, кромѣ условеннаго, всегда ничтожнаго, жалованья, добыть все то, что очень хочется и дѣйствительно пріятно имѣть. Добываются эти пріятности, разумѣется, подъ протекціей водки, которою у насъ, надо сказать, всякій запаиваетъ крестьянина въ видахъ своего интереса.

Помѣщики наши... Я самъ помѣщикъ, а потому съ нѣкоторою недовѣрчивостію къ своему безпристрастію приступаю къ наброску этого очерка о своихъ ближнихъ по социальному положенію. Извѣстно, что мы—не народъ, даже въ Великой Руси, по крайней мѣрѣ—не простой. Говорю даже потому, что въ Россіи все таки есть что-то общее между простымъ и особеннымъ народомъ, т. е. помѣщиками. Это общее—вѣра и языкъ. Здѣсь нѣтъ и этихъ точекъ соприкосновенія, — по-крайней-мѣрѣ, въ самомъ огромномъ большинствѣ. Изъ

статистическихъ таблицъ видно ничтожное отношеніе у насъ цифры ех—людовладѣльцевъ Русскихъ къ цифрѣ ех—людовладѣльцевъ Поляковъ. При первомъ взглядѣ, это самое рѣзкое стлнчїе между обывателями земли подольской. Русская часть — прибылая; польская — ежели и не коренная по большинству, то все таки своя. У нея есть свои преданїя и она считаетъ себя крѣпкою землѣ. Русская же, хотя и одинаково крѣпка землѣ, но традиціи ея выходятъ изъ крѣпостнаго стола гражданской палаты, гдѣ большинство этой малой части вѣнчало свои доблестные подвиги, рѣшаясь остаться въ краѣ. Естественно, у этого привилегированнаго особняка и того и другого рода нѣтъ ничего общаго съ народомъ, кромѣ панщины, иныхъ отношеній, гражданскихъ — пока не имѣется; у польской части не имѣется по принципу шляхетства и по понятїямъ объ отечествѣ безъ народа, или о государствѣ съ хлонами; у русской части обывателей не имѣется по отсутствію въ ея большинствѣ, т. е. въ ех — исправникахъ, ех—совѣтникахъ etc. etc., всякихъ понятій о государствѣ, объ обществѣ и гражданственности.

Крестьяне — это море съ неизвѣданнымъ еще дномъ, но по волнамъ котораго, съ полною неустрашимостью и безъ всякихъ до-нынѣ приключеній, вѣчно снуютъ всевозможныя судя съ промышленною цѣлью. Каждый промышленникъ, въ свое обогащеніе, вытаскиваетъ изъ моря на бортъ что только сможетъ, что только съ умѣетъ, что только удастся ему вытащить, а море отъ плавающихъ судовъ принимаетъ одинъ лишь нечистоты да трупы. Изъ всѣхъ промышленниковъ, классъ помѣщичій ближе другихъ стоитъ къ крестьянству, — это не признаваемые отцы его. Иной владѣлецъ, — оттого ли, что уже нѣтъ ему надобности сколачивать деньги тою методою, какою было сколочено его владѣніе; — оттого ли, говоря, что помѣстье его уже само собою разрастается, или вслѣдствіе доброй, благородной своей личности, живетъ двадцать, тридцать лѣтъ зѣ громадою по-человѣчески, улучшая и улучшая ея бытъ; тѣшнся ею дѣйствительно словно дѣтищемъ своимъ, гордится богатствомъ ея и еще больше, разумѣется, своимъ вліаніемъ, выработаннымъ, для себя, у громаді... и вдругъ, въ минуту рѣшенія въ странѣ общаго какого-либо крестьянскаго вопроса, получаетъ отъ громады самый неожиданный, оскорбительнѣйшій сюрпризъ:—онъ, благодѣтель, видитъ, что нѣтъ къ нему ни на волосъ довѣрія, нѣтъ къ нему ни тѣни расположенія; что всѣ его двадцатилѣтнія, тридцатилѣтнія благодѣянїя прошли какъ-бы не замѣченныя

громадою. «Неблагодарные!» восклицаетъ съ горечью пораженный помѣщикъ, и за тѣмъ—этотъ вчерашній будто бы отецъ замѣчаетъ о вчерашнихъ будтобы — дѣтяхъ: «нѣтъ! какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ!» Оскорбленному лже-отцу и въ голову не приходитъ, что смѣшно было сидѣть на своемъ берегу и мечтать о возможности огородить, согрѣть и утишить закупленное пространство моря, хотя бы пространства того было всего лишь на одну волну....

Вотъ какою я увидѣлъ тебя, прекрасная Подоль, бѣдная любовница двухъ ревнивѣйшихъ сосѣдей. Но можетъ быть я еще не разглядѣлъ тебя, можетъ быть, ставъ теперь въ рядки ряды твоихъ искреннихъ слугъ, я увижу тебя вблизи иною?.. Не знаю.

Григорій Ге.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

(Первый и другой листъ зъ села Сторожевой у VIII-й книжѣ того року.)

III.

На другой день пришовъ мій дідусь, щось веселенький; поздоровався зо мною.

— «Оце жъ, каже, я й пришовъ, добродію, до васъ, такъ-то я васъ уподобавъ, мовъ рідного!»

— «Спасибі тобі, діду!.. та мабуть и пообідати?»

— «Щожъ! ніде правди діти—и те таки, бо вже зъ місяць, якъ въ вічі бачивъ яку-небудь страву—не тільки обідавъ.»

На той разъ смашний у мене трапився обідъ: борщикъ зъ кашою пшоноюю, локшина въ молоці и вареники. Дивлюсь—мій дідъ ажъ облизався. Випили ми по чарці и по другій, а після борщику—и по третій. А нависіля я й жалкувавъ, що, мабуть, передавъ лишню—стареча голова не винесла; видно, що давно пивъ, та відъ того здаєтця и зашумотіло у ёго... Пообідали; помолились.

— «Та й спасибі жъ, добродію! далєбі, давно-давно я такъ не смакувавъ.»

— «Богу дякуй, старий!»

Запаливъ я люльку, а дідъ понюхавъ кабг и, покректавъ та й каже:

— «Одже, коли хочете, добродію, я ще згадав пісні давні; це мій батько навчив мене; ось слухайте лишень...

Дідъ почавъ. Старечій голосъ тремтівъ, якъ струна на розбитій бандурі; обличчє діда було типичне українське; біла голова и вусъ; очі поблискували (може й відъ горілки) зъ підъ насупленихъ бровей. Міні здавалось, що передо мною співає не нашого віку чоловікъ, а того покоління, що жило тоді ще— «якъ січъ руйновали...»

Ой встань батьку, ой встань Петре,
Кличуть тебе люде,
Ой ходімо до цариці,
По прежи́му буде.
Тече річка невеличка,
Промиває піски:
Туди їхавъ нашъ Кошовий,
Назадъ прийшовъ пішки.
Тече річка не величка,
Промиває кручи:
Ой заплакавъ нашъ Кошовий
Отъ цариці йдучи.
Ой ходімъ усі до столиці
Прохати цариці:
Нехай же намъ Січъ приверне
По прежні границі

Сей варіантъ показався міні дуже цікавимъ, якъ перелицѣвання того, що співаєтця у всімъ звістній пісні Головатого. Се, здаєтця, голосъ тієї січової партії, котра не задовольнилась царицинимъ Кубанськимъ подарункомъ, добиваючись свого: »по прежні грѣниці.»

— «Отъ коли спасибі діду! Вишємо жъ за нашу рідну Україну.» (я й не запримітивъ зразу, що й прежне було дідові за надто). Дідъ вишивъ.

— «А чи ви чули, добродію, про Орлика?—Та де вамъ чути—давня-давнина!»

Я й зрадівъ; сподівався почути яку-небудь гисторичню думу про Шведчину.

— «Ні, кажу, не чувъ; дежъ міні про те знати.»

— То жъ то!« весело промовивъ дідъ.

Ой изъ-за гори изъ-за Дніпра
 Вітрець повіває,
 Ой якийсь то човникъ
 Фала до берега прибиває.
 Ой прибила фала човникъ,
 Човникъ лебедонку,
 Та й вискочивъ зъ нѣго Орликъ,
 Тай почавъ беседочку.
 Пугу братці пугу,
 Пугу Запорозці
 Стоить козакъ въ лугу,
 Ой братці ходімо та до кошового
 Станемо радити раду

Дідъ замнявся; видно було, що горілка брала своє...

Ой пішовъ Орликъ та до кошового
 Та у поясъ уклонився.

Далій дідъ збивався; я записувавъ що второпавъ:

Ой батьку Иване
 Отъ такая-то річъ

 Ой надъ Україною та гетьманською
 Громовая хмара стоить:
 Ой прийшовъ царь зъ армією руською
 Мазена просить до насъ пристати,
 Нашій Україні помічъ дати.

 Оттоді ми будемо на волі,
 Такъ якъ птахъ підъ небомъ въ полі

 А ти жъ тее й забувъ
 Що ми цареві присягали,

 Ой не можемо присяги ламати,
 Та й неможно помічати,

Запорожець не бувъ бісовимъ синомъ.

Ой некра мала, та може світъ спалити,

Ой хоче Мазепа, багацько народу згубити.

Ой повіває вітрець

Та відъ моря холодний

Та поїхавъ нашъ брехунецъ

Якъ собака голодний.

Це були розірвані шматки якоїсь невідомої, загубленої народної поеми—та жалко: дідъ знемігся. Хоча й дідъ бувъ п'яненський и пам'ять не служила, але жъ у голосі его чулось щось таке, якъ ті сумні аккорди, що, на вже нікуди—негодящій бандурі, узяла рука мітця, що вміла колись виливати те, що турбовало серце. Якъ би-то, хто у ту годину подивився на насъ двохъ, то й сказавъ би, що се два покоління передъ очима: одно, до котрого долітавъ ще живий голосъ відъ тихъ давніхъ часівъ слави и невгамущої чвари и котре дочувалось до ёго серцемъ; друге, що, вирісші підъ іншими симпатіями, більшъ дочуваєтця головою, щобъ зложити на холодний пашіръ. Дідъ забутокъ живої гисторії передъ смертю; я—суха археологія, що ршетця по-міжъ мертвими и ловить останнє слово помершого життя.

— «Не знаю, дідусю, якъ тобі й дякувати за ці пісні, вони міні въ такій пригоді стануть... Шкода що міні треба їхати, а то можебъ ти ще де-що згадавъ.»

— «Э ні, добродію! більшъ не пам'ятаю нічого; зъ—молоду я багато де-чого знавъ и бувъ таки співака поганенький; а теперъ вже не тее—підтоптався. А знаєте, добродію! коли трапитця вамъ проїздомъ у Санжарахъ, то загляньте и въ мою хату, спасибі вамъ: може таки я знайду кого зъ старенькихъ людцівъ, та роспитаю про старовину...»

— «Добре, діду! спасибі, безпремінно заїду... Такъ може, діду, й од'їздної?» (хоча я й самъ бачивъ, що не треба—такъ у насъ безъ од'їздної не можно.)

— «Охъ, добродію! чи не багато буде; бо й такъ щось тее—мовъ бджоли гудуть... Та вжежъ, одинъ тому часъ, що батька въ наймахъ жалують. Хай москалеві лпхі приснятця.»

Ковтнувъ мій дідъ разомъ чарку.

— »Оце такъ! и несподівався старий Блоха бенкетовати... Гуляй сторожа! а на баштані катаржні свині смакують кавунцями... хлопця гавъ ловить, а москаль изъ куреня визирає... Та дарма, катъ ёго батькові!...

— »О бодай тебе діду! та ти бачу колись бравий козарлюга бувъ....

Повернувся я знову у Сторожеву.

2-го Іюня. 1861 г.

IV.

Отъ я знову опинився у Сторожевій, ставъ я по ній вештатись, та доглядатись. У волостнімъ є аптека; на 100 карбованцівъ ліківъ, алежъ мабуть на віки замкнута (ажъ замокъ іржа поїла)—а хворихъ багато. Їй фершаль-та тільки чи на хуторі у себе, чи п'яний. Хто жъ помічъ дає хворімъ? звісно: баби та діди; лихо роблють — зъ лави та въ домовину!—Та ще, Богу дяка, біля села живуть богобоязні панійки (Шохинша и Жуківна) такъ ті й помагають, и ніякої плати за те неберуть, а тільки коли чоловікъ самъ схоче подякувати, то й прийде день той відробити. Богадільні у Сторожевій нема, якъ у іншихъ селахъ; збудували й хату для того, та такъ и стоїть:—продаватимуть... Ї зверху приказъ такий: віддавати сиріть чи й такъ хлопця зъ убогої сем'ї у навуку до майстривъ, та такъ, якъ воно робитця тільки по приказу, то и вчать дитину такому ремеслу, що їй наврядъ чи прийдеця зъ того хліба їсти. Усе такі виходять майстрі, якихъ на селі не треба, приміромъ: ріщики, обійщики, золотарі... Та й тому гараздъ не довчатця, бо у семі нікому помічъ дати у господарстві, такъ батько й бере до дому, щобъ худоба не пропала. (У насъ, бачете, и убогий має аби-яку хатину зъ городомъ). Тіжъ зъ хлопцівъ, що застаютьця по городахъ ледащіють, и вже на селі—ні до чого.—А тимъ часомъ найпотрібніші для селянь ремесла підупали, якъ: кушнірство ⁽¹⁾, чимбарство ⁽²⁾, колесництво,

⁽¹⁾ Кушніръ—чинить линтварі и смушки на кожухи; линтваръ—зъ старої вівці; смушокъ—зъ ягняти.

⁽²⁾ Чимбаръ—чинить шкури на чоботи и черевики.

ковальство — такъ що наїде москаль, чимбарь тамъ або що, то або грошки лунить, або й сириці (*) завезе. А якъ, Боже борони, падіжъ - то зъ кожами незнають де й дітця, бо сами не втнуть — мусять везти у Полтаву до Німцівъ. Чи не диво жъ на увесь окілъ є одинъ чимбарь, та й то панський. Объ тїмъ би треба помислити старшимъ, щобъ по народній потребі була й навукa. Дививсь я й на тихъ писарївъ, що пробудуть при палатахъ два або три роки, щобъ то *письмоводству* навчитись; отъ и навчатця *лепорти* дряпати (то найглавнїйшъ!), а що вже наберутця чиновнихъ примхївъ, то бодай їхъ: и вь карти, якъ панъ, грає на гроші, и сусульки (папіроски) шмалить важно, и сквернословить по московськї безъ сорому, и горїлку такъ:

Мовъ брагу хлище,

та туманить хлїборобївъ, набиваючи собі кишеню; а селяне, зъ молодшихъ, дивуютця на нєго, тобъ то якъ на розумного городянина та й собі переймають тї вигадки. Такому то добру навчається чоловікъ, коли его завгода готують не чоловіка а писаря. Якъ би нашъ народъ бувъ грамотний та було у насъ бїльшъ, для него писанихъ и дешевихъ, книжокъ, то може бъ вїпъ іншимъ окомъ дивився на тихъ писарївъ, що передъ нимъ пундючатця та его жъ и оббірають. А наші зємляки дуже охочі не тїльки читати та й слухати, якъ хто другий читає...

Завернувъ я й до школи; школярї саме росходились; питаю:

— «А хто васъ хлопцята вчить у школі?»

— «Панотець!» зидзвенїли вь одинъ голосъ хлопчики.

згадавъ я що панотець зъ москалївъ, балакає зъ парафіянами такъ що вони тїльки очі повитріщають, та таки й зъ тихъ, що прозиваютьця мало грамотними.

— «Ну що жъ добре проказує?»

— «Та ні, у школі ми его вряди-годи бачимо.»

— «Такъ якъ же?»

— «Паламаръ вчить.»

— «Ну, не краще!» міркую собі; сей вже и у малограмотні не попаде. За тежъ дешевий: Палата дає на рікъ попові сто карбованцївъ за те, щобъ вчивъ у школі, а сей зъ тихъ грошей видїля Паламареві 10-ть. Отъ вамъ и школа! Роспитався я, яка тамъ метода. Ось

(*) *Сириця*—невироблена шкура.

яка: завдають *отсюди-досюди*, а не видовбишъ — березова припарка, або й панотцевська десниця чуба намне—та й виходить, якъ мовляють, відъ дощечки до дощечки а въ середині ні трошечки. Чи до того жъ?... треба та господарство, та малограмотність... А колись воно и не такъ було (розказували міні старенькі зъ хозінівъ): бувъ Голова Стожко—не теперешнього; допомігъ збудувати хату підъ школу, та проявився тоді на селі якийсь добрий семинаристъ (Волковъ), взявся за школу зъ гарячимъ серцемъ; опріч грамоти працювавъ зъ хлопцями надъ садовиною, такъ років зъ два цвіла сторожівська школа; а далій висвятився семинаристъ на попа, та й поїхавъ у свою парашію... Алежъ Сторожевці и досі ёго добромъ споминають. Вже коли поамъ ніколи, то хочъ би годящихъ поміщниківъ шукали; на тежъ и положеніє є: бо дається плати 75 карбованцівъ, коли набереться 60 школярівъ, та 10—ть карбованцівъ відъ министерства, щобъ дітей вчили у церкві співати.—Теперь у школі дітей зъ сорокъ, (зъ нихъ усього дві дівчини: попівна и козачка), та й то зганяють силоміць, часомъ зъ хуторівъ, здалека. Хочъ іншому ближче и до другої школи такъ не тієї волості — порядокъ непозволя; такъ для того порядку, батькамъ треба де небудь дітей становити, харчувати и відрізняти відъ семьи. А ще, якъ на біду дитина вдається до письма здатна—то за разъ у волості писати а далій чого доброго, то й у Палату до *письмоводства*—отъ тобі й писарь!.. Тимъ то селяне не дуже раді тимъ школамъ. Навпісля дознавъ я, що Сторожевський піпъ самъ побачивъ, що вінъ зъ паламаремъ не багато втне—отъ и примовивъ до школи дяка. Сёму вже, зъ тієї-жъ сотні, дає 20 карбованцівъ на рікъ. А такъ якъ дякъ удався до школи охочий, та й у тімъ ділі більшъ розуміє, то піпъ на ёго зовсімъ здався. Теперь то у Сторожевій освіта процвітає!

Згадувавъ я вище про порядки, та ще и къ тому слову добавлю: на самий Великдень сумно на вулицяхъ у Сторожевій було, бо начальство не зізвонило гойдалки робити — лакаютьца, щобъ хто не вбився (а въ насъ ще відъ царя гороха и цариці чечевниці гойдаютьца — та Бігъ милувавъ). Оттожъ гойдалокъ и небуло,—за тежъ шинки стали повнісінькі—гукъ та салдатські пісні, и старші зійдутца поміжъ собою та зъ попами те жъ саме роблють що й народъ. Такъ-то тими порядками відбивають селянъ відъ танківъ, веснянокъ и дівочьбихъ пісень...

Занудився я; сонечко гріло, сівъ я на душегубку та й пустився по

Коломаку. Річка - невеличка той Коломакъ (на ній колись стоявъ козацький табуръ за Самойловича), — тече тихенько. На дні, або білий пісокъ або твань ⁽⁴⁾, передъ очима зелена діброва а далій веселеньки хутори. Тихо шумотіла прозора водиця поміжъ густими очеретами, маленькі пташки: очеретянки, вивсянки та горобці купами перелітували, щебетали, надъ сими́нінькою головою; делеки торохтіли на вільхахъ. Ажъ ось чути гукъ и регіть; думаю собі: отъ де народъ пра-зникує! вніхавъ я на плесо; дивлюсь-зібравсь купками жінки, дівчата и дівтора; одні на березі скидають одежу, а другі у воді въ сорочкахъ, або й такъ. Підіхавъ я до однієї молодички, та й питаю:

— »Чого се ви хлюпочетесь у воді?« Вона зареготалась, тай каже:

— »Адже бачите, ласощі достаємо зъ води.«

— »Якіжъ таки у воді ласощі?«

— »Отце! хіба не знаєте? спивачки, рогізь, ріжки« ⁽⁵⁾

— »А смашні-жъ?«

— »Солодкі; ось нате литень покуштуйте.«

Достала вона зъ води и кинула міні у душегубку. Покуштувавъ я— ледве солоденькі, а якъ чого кращого нема, той те гараздъ.

— »Та ще-жъ мабуть вода холодна?«

— »Дарма, що холодна—а ми про те навиятуємо на цілий тиждень того добра, то й nebude нудно, якъ на вулиці сидітимшиъ — ніби не безъ діла.«

— »А московських ласощівъ?«

— »На-біса!«

Поки ще нашъ народъ усе знаходить навкруги себе навіть ласощі. Бачивъ ще я на третій день Великоднихъ святкивъ, що після обідні, сидять коло церкви у два ряда дівтора, діди и баби; усе те зъ виду вбоге; а знаю добре що старцівъ на селі нема. Прийшли жінки й дівчата и щось у заполі ⁽⁶⁾ держать. Отъ и почали роздавати шматки свяченого: пасокъ, м'яса, ковбасъ та крашанки. Сей звичай зветця: »Дятинкѣ.« Побачивъ я поміжъ вбогою дівторою хлопчика краще зодітого.

(4) Твань—багнюка, на дні річки, або що остаетця на березі, якъ спаде весняна вода.

(5) Спивачки—молодой прорістъ очерету. Рогізь—водяна рослина зъ якої плетуть рогожі. Ріжки—парости на очереті при коріні.

(6) У запілѣ набрати, у заполі принести—загорнувши полу святи.

— «А ти чого тутъ підмостився? хіба й ти не маєш чимъ розжовітись?»

— «Я, сирота,» каже хлопча.

— «А живе у заможній тітці, та й самъ має батьківщину» обізвалась зъ гурту бабуся; хлопча відъ сорому заховалось, мабуть ще не звикло по старечому—жебрати. Звичай добрий, а дітей пекде.

Далій побалакаю ще про тутешні звичаї.

(V листъ въ XI и XII книжці).

3-го липця 1861 року

Г. Полтава.

Кузьма Шаповалъ.

ЛИСТЪ ДО «ОСНОВЬЯНЪ.»

(4 грудня 1861.)

«По правлі роби, доброго й кінця сподівайся.»

Народня поговорка.

Сами знаєте, якого колоту наробило скрізь знесенне крѣпацтва. Про «безпорядки» въ панських маєнностяхъ, газети московські, мовъ у дзвони дзвонять, додаючи жаху вже й надто переляканому панству. Сумують теперъ, ледве не скрізь, по державських будинкахъ! Інші такъ налякані тимъ знесеннемъ крѣпацтва, тиею несподіванною повинною, що й апетитъ втеряли, на виду поблідли и зовсімъ змарніли. Сумують, кажу, та думають—гадають, якъ ёго теперъ и віку дожити?

— «Жили, кажуть, досі якъ у Бога за дверима, якъ у Христа за пазухою... а теперъ таке лихо скоїлось, що хочъ живий у домовину лягай!»

Багато де—котрі увірились, що за тимъ знесеннемъ, за тимъ новимъ порядкомъ, ніякої справи у насъ не буде. Що то крѣпацтво, те *хамське кодло*, дике неспелене, злее, не дасть панові у вупокі жити. Що воно, зрадівши, що панъ не властенъ крѣпака а ні

выпороть (*), а ні попобити, а ні налаять... буде шкодить ёму и въ домі и въ полі, и всюди обертатиме панську худобу на свою неправедну користь. Багато є й такихъ, що кажуть, буцімъ рано заходились давати волю простоті темній (однихъ, бачите, думокъ зъ княгинією, вічній памяти, Дашковою); що, мовляють, треба по-переду освіту їй дати, а потімъ вже визволяти.

Про якихъ се людей вони кажуть, якихъ людей зневажають, про те ані гадки! Се тихъ вони взивають злими, неситими; що мовчки, що—денно на нихъ працювали, що въ дираву одежину повбирались, що часомъ скибки хліба не мали, що *свого* не знали.—Се ті зневажають що по учтахъ та бенкетахъ веселились, у колясахъ роз'їзджали, въ дорогихъ шатахъ похажали, смачні страви поїдали, білі — білесенькі рученята мали... Така правда!

Оце зібравсь я вамъ дати звістку не про *»безпорядки,«* а таку, що хто ма очі, той побачить, чи на всіхъ панівъ нашъ народъ важкимъ духомъ дише? Чи справді вінъ дикий, несмислений? Чи й справді збираєтця полатати свої драні свитки коло панської худоби?

Учора одібравъ я зъ почти листъ, пущений до мене зъ сл. Стародубка, Изюмського повіту, Харківської губернії.

Слободѣ ся панська.

Тижднівъ зъ два назадъ, Стародубківські кріпаки зібрали раду, та на раді громадою положили:— *»якъ панські заіони и кошари стоять далеко одъ слободи, а сторожей, чи то вартовихъ, для скотини наймать панові буде трудно* (бо грошей немає, а сямъ у ёго велика), *то перенести ті заіони и кошари на нове місто, у саму слободу.*» (Се бъ то, бачите, щобъ можна було и безъ вартowników назирать, щобъ, часомъ, звірь не порізавъ панську скотину, або й не—добрі люди чого не нашкодили.) *»Роботу сю вчинить на своїхъ дияхъ и своїмъ коштомъ.»*

И вчинили, дякуючи панові за те, що стававъ їмъ колись у пригоді.

Оттаке діло.

Объ Різді самъ буду у тій палестині, и тоді докладнійшъ напишу, якъ воно тамъ було, а теперъ, вибачайте, що кóротно оповідавъ. Алежъ що се не вигадка, а справжня правда, то я у певність називаю.

(*) Вибачайте за руссизмъ.

ваю и слободу и уїздъ зъ губернією, де се діялось, та й вп'ять таки, підписую своє (невигаданне) ймення. Нехай, хто схоче, дознає правди.

Отъ вже, за однимъ заходомъ, одпишу вамъ, якъ вподобалсь нашимъ землякамъ книжки, писані нашою мовою. Вибачайте, що се для васъ буде повторнимъ оповіданнямъ.

Послано було у Стародубокъ и Зузулівку (такий вільний хутір, межа зъ межею зъ Стародубкомъ), де—яки наши книжки, ото—якъ: Хата, Повісті Гр. Квітки (у вь роздробі), народні оповідання М. В., псалми Давидови, Катерина, Наймичка и решта Т. Г. Шевченка (святої пам'яті)... Сь першого погляду на нихъ люде було у регіть... а

»теперъ, книжки у великій моді у насъ. Се наче рідний батько явивсь намъ зъ того світу. Всякому вони милі и полізні. « пише до мене одинъ лакей (*), и пробі просить прислати ще книжокъ. Та й не вінъ одинь. Чи мало людей у насъ жалкують, що ще й досі, ніхто не здумавъ переложити Євангеліє на нашу мову.—Потрібно воно їмъ, дуже потрібно. Отъ же всі люде мають св. Письмо переложене на свою мову, и служить воно тоді на праведну душевну користь. А у насъ и не чутио про се святе діло. Се велика вина. Се ми ховаємъ одъ народу праведний світъ, се ми держимо *світильникъ* не на горі, а вь скрині, и не боїмося одъ того й пожежи.—Чи вже жъ у насъ нема такихъ добродіївъ, щобъ подумали про се?

У вь однімъ селі, панъ — отець прочитавъ народу казань Гречулевича. И Боже мій, що то за радість була, якъ почули сю казань, якъ побачили, що церковь Христова не цурається тії мови народної, и не позирає на сю мову якъ на яку нєгідь!.. Ну, та я одбивсь одъ книжокъ.

Росказувала мні одна пані, що теперъ, вь її маєтку, всімъ панамъ на—вдівовижу, двірські люде збіраютця що вечір (певно, само—хіть, у двірську хату. Тамъ вони сідають кружка, а хто—небудь зъ нихъ письменний читає їмъ наши книжки. Таке диво! Мабуть таки стоїть чого наша молода словесность, коли люде не взирають и на свою утому, після денної праці, та читають їхъ. Ну, та обь сімъ нашу більшъ відтіля, зъ України.

(*) Сей листъ у П. А. Куліша.

Пишучи сей листъ, маю надію, що ви, добродію, надрукуєте ёго у в' Основі; вибачте, коли не такъ, якъ би треба до друку, написавъ: се міні червинка.

В. Каховскій.

ЗЪ ГОРОДНИЦЬКОГО ПОВІТУ, ЧЕРНИГ. ГУБ.

(15 грудня 1861.)

Затого мине рікъ, якъ пішовъ у насъ по селахъ новий ладъ. Чи не часъ, панове, озирнутися, що вінъ намъ приніс? От-же я, сілюкъ, міркую собі — пора. Пора ще найбільшъ відъ того, що хліборобський рікъ вже минувъ, бо-хтосъ скаже... зима на дворі. За для цёго я оце гадаю оповідати проте, що народивъ намъ, городнянцямъ, новий ладъ. Не казатиму, якъ прищепався до насъ цей ладъ, бо и въ нашому повіті вінъ прищенився не безъ сумаття. А все черезъ те, що люде не розуміли «Положення». Панамъ не деймали вірі, а промиждо ними не було грамотної людини, щобъ товкомъ внасяла. Не хочу більшъ про це й згадувати, — казати по людській, такъ сказали «дуже тягне за панщинами» тай нехай воно йде на сухий гай, та більшъ до насъ не вертаїця;—казатиму лучче, що загадавъ собі зъ початку листу.

Що кому, а голодній кумі—кажуть—хлібъ на вумі,—такъ и мені: не-в-моготу щобъ не похвалитися попередъ усього, якимъ цей рікъ подарувавъ насъ урожаємъ. Нашъ повітъ не саме-то хліборідни, такъ собі,—тільки що не їмо печіва зъ половиною, якъ отъ на Поліссі. Але цей рікъ жита тежъ и яріни були у насъ добрі,—старі кажуть, що вони давно вже такихъ не зазнають. Тільки — лишечко наше — цілісеньку *горячу доббу* була така хлюща, що ні зъ чімъ не було змоги упоратися. Найбільшъ далася намъ у знаки косовиця. Оце було тільки білісне сонейко, люде за коси та за граблі, а тутъ зновъ и подзюривъ дорщъ, та оттакъ усею косовицю... Погили наши сіна: мало-мало хто назапасивъ на зиму. А за хлібець—дака Богові! Сама плохша копа дає по п'яти пудівъ, а якъ що буйною в'язи, то й геть-то більшъ. Якъ би тільки не отці безхлібні паланки Минська та Могилівська, а то вони багачко пожерають нашого хліба. Воно бакъ

и добре — є куди хлібъ збувати, але якъ у насъ недорідъ, — за ними така дорожнета, що й не докуписея, хіба підешъ зъ горшками на степъ. Ну, та воно бъ все нічого, але цей рікъ винявся намъ таки, що багато треба буде заткнути де-якихъ дирокъ; наприкладъ, громадські роби, межовання, подушне и др., такъ-що це поієть нашого хліба більшъ, ненужъ сусидні паланки.

Оце жъ похвалившись урожаємъ, додамъ тільки, що цёго року садовини у насъ не було зовсімъ, та й поверну річъ на инше. Даю передъ панамъ, бо вони бажають бути у насъ, хліборобівъ, поводи-рями, а того не гадають, щобъ йти зъ нами, якъ подобає ріднимъ братамъ. Ви, може, сподіваєтеся, що вони теперечки силкуються зъєднатися зъ нами. Де тамъ.... Ну та Богъ уже зъ ними... Зирнемъ, що імъ принієсь новий ладъ. Цёго року панщанами вже не можно було орудувати по колишнємъ, стало бути, на жнива й на инші робіти треба було або наймати, або приймати людцівъ за скіпчину. Наймати було ні за що (біг-мавъ грошей), то цёго року пани приймали жённиківъ зъ десятої копн. Але якъ не ще у перве, то й жённики не відали, докого приставати й сами пани не знали кого брати, — черезъ що панські роботи не гораздъ робились. И частенько таки попадаєтця, що де-в-кого хлібъ погнивъ у полі, бо не впоралися зняти въ пору. А колишні кріпоки, заведено, більшъ собі дбали: було оце не піде на панську роботу, а піде на свою, — така, бачъ, думка, — пану відроблю й послі. Такъ, кажу, панське господарство йшло не гораздъ. А хто виненъ? Здаєтця, сами пани. Імъ би треба було не думати та не жалкуватися объ тому, що було, та пішло въ плинъ; але треба було метнутися сюдъ-тудъ та придумати що инше. Панщанами не можно було упоратися, отъ и треба було вимиркувати що инше. А то новий ладъ їхъ неначе збивъ зъ нантелику: затимъ и господарство їхъ йшло цёго року не ладно. Якъби, кажу, панамъ гроши, то міждо ними, можебъ, не оденъ обибрався таки, що зробивъ би такъ, якъ отъ зробивъ оденъ панокъ въ ніженському повіті. Се жъ, знаєте, въ цёго пана панщане не схотіли робити на цукарні; панъ імъ уже й плату дававъ — не хочуть; отъ панъ не поїхавъ ни до посередника, ни до станового, а поїхавъ у инши повіть, та й панавъ собі роботниківъ. — Побачили тоді кріпаки, що панъ обішовєя зъ ними якось ніво, та й росчовпали таки, що все бъ на цукарні де-що заробили; тоді до пана: «Ми, кажуть, пане, сами робитимемъ на цукарні, а ти наймитівъ не приймай» (а наймити ще не прибули). —

»Ні,« каже панъ, »теперъ мені васъ не треба, я собі нанявъ«. Вони ну бламати пана, а панъ ніблизько; а тутъ пішла чутка, що отъ-отъ прибудуть наймити. Незабаромъ справді прийшли й наймити. Що ж би ви думали? Кріпки не пускають у село наймитівъ, та благають пана: «Ми робитимемъ тобі безъ заплати, тільки не роби намъ зневаги». Бачить тоді панъ, що ёго кріпки щиро взялись за діло, та й наймити таки поросходились,—отъ вінъ и подався: дозволить робити на цукарні своїмъ, першъ безъ усёго, за панщину, а потімъ положивъ уже й заплату. — —

Такъ цёго року — кажу панське господарство не багато дасть визволу, а повинностей треба одбути чимало, такъ-що пани дуже сумують й не знають, якъ и вивернутися зъ біди.... Теперъ оповідаю де-що про колишніхъ крипаківъ. По новому ладу въ нихъ завелась своя старшина. Ця старшина ще не дуже звикла до свого діла, затимъ й не всюди гораздъ верховодить своєю громадою. И те треба сказати, що не всюди обрали на старшинъ гарнихъ людей, бо так-діло гля панщанъ було первинка. Черезъ що й трапилося, що старушина частенько веде своє діло не такъ якъ слідъ. Въ одному селі, — чуешъ, — волосного викинуто за *превищення власти*, у другому жалкують, що старшина дуже орудує громадою. Гля прикладу розкажу казію про г-л-б-цьку старшину. Цёго року, знаєте, ще у-перше гуляли на Олександрове свято (30 Серпня), то не всяке знало, що на це свято не можна робити. Передъ святомъ волосні зкликавъ крипачькихъ старобетъ й наказавъ їмъ, щобъ загодали людямъ не робити, а йти до церкви; хто жъ робитиме, того *розорять*. На саме свято зібрались люде до церкви. Якъ повиходили зъ церкви, — побачили, що де-хто робить. Отъ оденъ староста й каже. «Намъ волосні загадавъ *розорять* того, хто робитиме. Ходіте.» Та й пішовъ зъ своєю громадою въ поле. Хто оравъ, тому сошники позбивали; хто копн возивъ, тому вози попереворочували. Та такого накопили що не обійшлося и безъ позвізъ. Робили найбільшъ козаки, а вони й теперъ не рівняють себе до панщанъ; отъ вони (козаки) й пішли позиватися. Наїхали судці; судили, судили, та й звинуватили того старосту, що водивъ свою громаду на *разорення*. А волосні вишкарбавъ, — показавъ, що вінъ не загадувавъ розоряти, затимъ и звернули усе на одного старосту; ёго заразъ зкинули зъ староства. Вінъ же тільки тимъ виненъ, що бувъ собі прѣсти чоловікъ, то й зробивъ такъ, якъ загадавъ волосні; та що жъ зробішъ, коли на ёго громада обу-

рілась, бо на спросі всі показали, що робилось розорення по старостиному загаду, а про волосного вмовчали. А тут зовсім виненъ волосні, та що жъ зробишъ, коли наши люди боятця позвівъ,—то й показують такъ, аби себе вигородить. »Ти—кажуть—не знаєшъ, що пише судові; може вінъ тамъ напише на тебе таке, що й-и-и... отъ и кажи лучче, що нічого не відаю». Оттакъ думає темнота про позви, то й боїтця їхъ, и низащо не покаже, якъ слідъ.

Багацько ще де-якихъ робівъ розказують про кріпацьку старшину. Теперечки у насъ оглядають борищенні гамазеї. Отъ и приїздить у село Св—ухи смотритель. Кличе гамазейщика: «а що-питає—у васъ є хлібъ у гамазеї» — та у насъ, каже гамазейщикъ, зовсімъ нема й гамазея. «А дежъ вінъ? У васъ же бувъ.» — Бувъ та продали. »Якъ продали»? — Та такъ, — громада присудила продати, й продали. — Такъ отъ якъ! не знаю що буде за це громаді; — ще не було суда.

На скінчання листу, чи — якъ кажуть — на потуху, скажу й про межовання. Воно у нашому повіті уже буде роківъ зо три якъ почалося, та до кінця не доведено ни въ одному селі, — ще, якъ кажуть, *не согласили*. Пробовали й у Хріновці, й у Новихъ Броворахъ, та нічого не зробили: у Хріновці люди не хочуть міняти свою землю на чужую, а у Новихъ Броворахъ дідичъ хоче виселити людей зовсімъ геть зъ містечка, дає за містечкомъ землю; правда, вінъ дає удвоє землі, та земля погана — пісокъ: отъ люди й не хочуть кидати дідивськихъ та батківськихъ осель. Нашъ народъ зъ великимъ жалємъ розлучається зъ своєю землею и що то вже боїтця, щобъ не заміняли ёго поля на чуже. Вінъ думає, що якъ землеміръ захватить ёго поля ланцюгомъ, то вже й *буде ему капецъ* (якъ каже помовка). Такъ отъ якъ йде у насъ межовання; на полюбовне розмежовання мало надії, хіба розмежують *обязательно*, примусомъ.

Лєся—ій.

ИЗЪ С. ТВЕРДОХЛІБОВЪ КРЕМЕНЧУТСКАГО УЪЗДА.

(5 декабря 1851.)

Школы, заводимыя теперь у насъ въ каждомъ селеніи и почти при каждой церкви и, главное, по одному безкорыстному усердію лицъ, вызывающихся учить,—дѣло почти что новое. Съ тридцатыхъ

годовъ существуютъ у насъ, правда, при каждой волости казенныя училища. Но, въ отношеніи къ цѣлой массѣ населенія, училища эти, что называется капля въ морѣ. Да и то сказать, — крестьянинъ, сколько мы знаемъ, всегда крайне тяготился отдавать свое дитя въ эти училища, въ селеніе, часто отстоящее на десять, пятнадцать и болѣе верстъ, гдѣ онъ долженъ и нанять квартиру, и доставить провизію и т. д. Странно, однакожь, что школы, заводимыя по видимому, при гораздо благопріятнѣйшихъ для крестьянина условіяхъ, чѣмъ казенныя училища, встрѣтили въ народѣ тоже старое нерасположеніе, которое издавна выпадало на долю *училищъ*, тоже упорное предубѣжденіе противъ грамотности и науки однимъ словомъ — общее нежеланіе отцевъ и матерей отдавать дѣтей на выучку. Гдѣ причина такому грустному явленію? Виноваты въ этомъ, намъ кажется, прежде всего тѣже казенныя училища, — хотимъ сказать, — та поразительная неуспѣшность, съ какой ведется въ нихъ издавна обученіе. Мы говоримъ, конечно, о ближайшихъ, коротко знакомыхъ намъ, училищахъ въ Кременчугскомъ округѣ. ⁽¹⁾ Кто, напримѣръ, можетъ повѣрить, а между тѣмъ мы сами видѣли примѣры, — что на третьемъ году и даже чрезъ три года обученія, нѣкоторые изъ учениковъ этихъ училищъ буквально не умѣли еще разобрать посторонней книжки. ⁽²⁾ Не въ пользу также нашихъ школъ могли дѣйствовать и тѣ нелѣпыя толки и слухи, которые Богъ-вѣсть откуда являлись и бродили въ народѣ. Такъ, между-прочимъ, въ нашемъ селеніи, при самомъ открытіи школы, вдругъ распространилась молва, надѣлавшая много хло-

(1) Исключенія, конечно, всегда возможны, — они возможны и для Кременчугскаго округа. И мы никогда не забудемъ того свѣтлаго впечатлѣнія, какое мы вынесли изъ единственнаго въ этомъ родѣ училища госуд. имущества, въ посадѣ г. Кременчуга, Кроковѣ.

(2) Одна изъ ученицъ Недогорскаго училища на сдѣланное нами ей замѣчаніе: «какъ же ты, голубушка, три года училась въ училищѣ, да и прочитать не умѣешь» — паивно отвѣчала, что она всему выучилась тамъ *по памяти*. Что удивительнаго, впрочемъ, когда въ училищахъ этихъ (напр. Пироговскомъ, Недогорскомъ, Песковскомъ и друг.) обученіе идетъ до сихъ поръ по допотопной методѣ: буки—азъ—ба. Намъ казалось бы, что въ училищахъ, находящихся подъ непосредственнымъ заведываніемъ и попеченіемъ министерства народнаго просвѣщенія, скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, надобно предположить и знакомство съ новымъ методомъ (напр. Золотова), да и самыя руководства подъ руками. Съ удовольствіемъ спѣшимъ сдѣлать оговорку. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прислано въ училище руководство къ изученію грамоты и счисленія Ив. Главинскаго.

потъ, что грамотныхъ *дівчатъ* будутъ забирать на *царицыни фабрики*, а *хлопцівъ* въ *Москалі*. Все это было бы, можетъ быть, смѣшно и странно, если бы не было грустно. Народъ, до сихъ поръ не имѣвшій передъ глазами почти никакого нагляднаго приложенія къ своему быту грамотности, а между тѣмъ такъ или иначе встрѣчаясь съ заботливостію правительства о ея распространеніи, — старается чѣмъ—нибудь объяснить для себя эту заботливость и—объясняетъ ее хотъ, вапримѣръ, какими—то эгоистическими видами правительства...

Какъ бы—то ни было, такъ—да—сякъ, то просьбою и убѣжденіемъ немногихъ изъ крестьянъ, то острашкою на другихъ, — что если не отдадите дѣтей въ школу, то возьмутъ, не спрашивая васъ, наконецъ и мѣрами *власти*, *мѣрами* принужденія, игравшими, надо правду сказать, даже не послѣднюю роль въ этомъ дѣлѣ, школы наши устроились. Начало, какъ видите, грустное и мало обѣщавшее прочнаго въ будущемъ, особенно если при этомъ взять во вниманіе недостатокъ, на первыхъ же порахъ, въ средствахъ и хорошихъ пособіяхъ для обученія.

Въ настоящее время нѣкоторыя изъ новоустроенныхъ школъ считаютъ уже три, четыре мѣсяца и даже около полугода своего существованія. Возвращаясь теперь къ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, подъ которыми устроились наши школы, и останавливаясь на тѣхъ успѣхахъ, которые сдѣланы ими въ ихъ четыре—пятимѣсячное существованіе, мы не безъ сердечнаго удовольствія должны сказать, что успѣхи въ нихъ, конечно, далеко еще незначительные, во всякомъ случаѣ превзошли наши ожиданія. И прежде всего, для насъ шагъ и большой шагъ впередъ уже въ томъ, что школа замѣтно перестаетъ быть тѣмъ нравственнымъ *пугаломъ*, какимъ она была прежде для крестьянина. Если, на первыхъ порахъ устройства нашихъ школъ, васъ какъ—то непріятно поражаютъ эти мѣры постановленія и, такъ сказать, роняющія самое дѣло: то за то теперь, въ тѣхъ же самихъ школахъ, вы найдете не одного мальчика или дѣвочку, которые пришли сюда или вѣрнѣе присланы отцемъ и матерью учиться по доброй охотѣ. Въ свою очередь, мальчики и дѣвочки—будемъ говорить хотъ о нашей сельской школѣ,—совладѣвши очень легко и скоро съ чтеніемъ, съ большою охотою и какимъ—то замѣтнымъ соревнованіемъ другъ предъ дружкой, принимаются за свои уроки. Всегда доступное для нихъ, на первыхъ порахъ, чтеніе исключи-

тельно на народной мовѣ, намъ кажется, болѣе всего поддерживаетъ въ нихъ охоту, и имъ до того нравится иной стихъ—народнаго ли поэта, или же пѣсни и думы народной, что тутъ же декламируется въ ихъ маленькомъ обществѣ наизусть и даже поется. ⁽¹⁾ Чтобы видѣть, какъ полюбилась этимъ дѣтямъ школа, мы укажемъ одинъ фактъ. Отдѣльнаго помѣщенія для школы здѣсь пока нѣтъ. Дѣвочки (которыхъ числомъ здѣсь 14) и мальчики (числ. 5,) размѣщаются обыкновенно какъ—и гдѣ пошло въ домѣ священника (онъ же, да жена его и *главные* учителя этой школы). Чтобы дать себѣ проторь и отдыхъ въ дни праздничные и нѣкоторые другіе дни, было не разъ дѣлаемо распоряженіе, чтобы завтра не приходили вовсе учиться. Анъ смотри, всѣ и явились.—»Годі, отвѣчала мнѣ пренаивно одна дѣвочка, дома мати бѣе, а тутъ мені краще.» Ознакомившись хорошо съ чтеніемъ (рядомъ съ нимъ шло и письмо), нѣкоторые изъ учениковъ принялись за чтеніе славянское; и мы были лично свидѣтелемъ, какое благоприятное впечатлѣніе на народъ произвело первое бойкое чтеніе однимъ мальчикомъ заключительнаго псалма въ церкви. Можетъ быть, этотъ простой, столь ничтожный самъ по себѣ, случай помирилъ въ деревнѣ не одного отца или мать съ грамотностію сына. ⁽²⁾ Такія же или почти такіе успѣхи вы найдете и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ указываемъ теперь на школу въ с. Столбовыхъ, гдѣ обученіе ведется толково и съ большимъ усердіемъ священникомъ. П. Комарецкимъ и его шестнадцатилѣтнею дочерью. Здѣсь, достойна особеннаго замѣчанія та необыкновенная охота къ грамотѣ, какая явилась въ народѣ въ послѣднее время: крестьяне одинъ передъ дру-

(1) Кстати замѣтить, что обученіе въ нашей приходской школѣ и нѣкоторыхъ другихъ идетъ по методѣ (нѣсколько впрочемъ измѣненной) Золотова Первоначальное чтеніе (вмѣсто букваря) идетъ по таблицамъ, довольно удачно составленнымъ на малорос. языкѣ Г. Грежанковскимъ, въ Кіевѣ. Дальнѣйшимъ хорошимъ пособіемъ служатъ брошюры на малорусскомъ языкѣ, изд. Кул-мъ.

(2) Это не покажется страннымъ, когда прибавимъ, что въ нашемъ селеніи, (за исключеніемъ, кажется, одного, гдѣ-то случайно добывшагося книжной мудрости), до самого послѣдняго времени грамотныхъ совсѣмъ не было; и дядечекъ—старикъ 40 лѣтъ—съ лишнимъ пѣлъ хриплую свою пѣсню, не встрѣчая ни въ комъ и никогда поддержки. Кстати замѣтимъ, что въ часы отдыха и досуга иногда идетъ здѣсь и обученіе пѣнію, которое, впрочемъ, здѣсь не болѣе, какъ средство болѣе заохотить народъ къ ученію.

гимъ сами приводятъ дѣтей въ науку. Къ сожалѣнію, священнику пришлось отказать многимъ изъ нихъ, по недостатку помѣщенія и вообще по недостатку многихъ другихъ средствъ къ обученію. Мы ограничиваемся *пока* голымъ перечнемъ численности учениковъ въ другихъ школахъ ближайшихъ къ намъ селеній. Въ селѣ Броваркахъ обучаются 8 муж. п., въ м. Чигриндобровѣ 26 муж., въ с. Борисахъ 6 д. муж., въ городищѣ Градижскѣ (кромѣ казенныхъ училищъ) муж. 14 и ж. 6 и въ другой школѣ муж. 5 и ж. 2., въ с. Столбовахъ 18 д. муж. п. и въ с. Твердохлібахъ 5 муж. и 14 ж. Остается повторить старую аксіому: что дѣло всегда убѣждало и будетъ убѣждать сильнѣе всякаго громкаго слова, всѣхъ краснорѣчивыхъ доводовъ. Если крестьянинъ у насъ съ какимъ-то чуть не суевѣрнымъ страхомъ *цурался* грамотности и школы; то вѣроятно въ самыхъ *училищахъ* было для него *ничто* такое, что скорѣе отталкивало его отъ нихъ, даже могло поселить въ нихъ что-то похожее на страхъ, чѣмъ могло расположить его—отдать дитя въ школу... Говоря правду, казенныя училища до сихъ поръ ничего не дали, кромѣ урядниковъ, впрочемъ, окончательное свое *образованіе* получающихъ, какъ извѣстно, уже въ канцеляріяхъ окружныхъ управленій.—Мы думаемъ, что настоящія школы, уже по своему неофициальному характеру, значительно болѣе могутъ расположить *крестьянина въ свою пользу*. Мы вѣримъ, что дѣло въ нихъ поведенное *безъ официальности, но съ усердіемъ, съ сознаніемъ всей великости дѣла, съ любовью къ народу*—и главное еще—съ умѣньемъ взяться за дѣло, заставитъ крестьянина рано или поздно полюбить отъ души школу.

Н. Ч.....ій.

КАНЕВСКАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

(19 декабря 1861)

Воскресная школа, находящаяся при Преображенской церкви гор. Канева, съ разрѣшенія духовнаго и гражданскаго начальства, открыта мною 1861 года 10 сентября и помѣщается въ домѣ, построенномъ мною для помѣщенія ежедневнаго училища. Она какъ нельзя лучше пришлась нашему ремесленному классу, который шесть дней

находится за работой, а въ воскресные и праздничные дни свободенъ отъ нихъ и можетъ удѣлить нѣсколько часовъ на изученіе грамоты. Школа состоитъ подъ непосредственнымъ моимъ вѣдѣніемъ и подъ надзоромъ штатнаго смотрителя Каневского уѣзднаго училища. Преподаваніемъ въ ней занимались и занимаются (кромѣ меня) учитель уѣзднаго училища г. Тищенко, учитель приходскаго училища г. Самоненко, чиновники уѣзднаго казначейства: Василій Стѣриховскій и Василій Остапцовъ и лучшие ученики уѣзднаго училища.

Въ воскресной школѣ преподавались и преподаются предметы, указанные въ программѣ, утвержденной начальствомъ и изданной для воскресныхъ школъ, именно: Законъ Божій, чтеніе, ариметика и письмо.

Законъ Божій преподается мною устно. Такъ какъ посѣщающіе школу начали свое поприще съ аза, то я счелъ полезнымъ начать преподаваніе Закона Божія изустно и съ предметовъ болѣе понятныхъ для нихъ, именно съ исторіи вѣтхозавѣтной, и притомъ на нашемъ народномъ языкѣ.

Чтеніе. Учащіе на первыхъ порахъ, не имѣя подъ руками никакихъ пособій, слѣдовали прежнему методу преподаванія: — сперва заставляли заучивать азбуку, потомъ къ согласнымъ прилагали гласныя и заставляли произносить ихъ, наконецъ, когда учащіеся затвержили слоги, приступали къ чтенію и цѣлыхъ словъ. Вначалѣ держались букваря, изданнаго Кіевопечерскою Лаврою, потомъ учебниковъ Золотова, пожертвованныхъ, по просьбѣ моей, правленіемъ товарищества: «Общественная Польза.» Учебниковъ, болѣе успѣвшихъ, упражняли въ чтеніи по Новому Завѣту на славянскомъ языкѣ, по книгѣ Наума и по книгамъ «Дѣтскаго журнала.» Ариметика преподавалась устно. Сперва учащіе заставляли писать на доскѣ ариметическіе знаки, потомъ, когда ученики затвердили ихъ, учили составлять числа изъ десятковъ, сотенъ и тысячъ и прикладывать одни къ другимъ.

Письмо. Учащіеся занимались также и письмомъ. Сперва писали на доскѣ мѣломъ, — потомъ на бумагѣ съ прописей Золотова и нѣкоторые оказали успѣхи очень удовлетворительные.

Численный составъ посѣщающихъ школу не всегда былъ одинаковъ и зависѣлъ отъ причинъ вѣшнихъ. 8 сентября, въ день открытія школы, явилось 8 человекъ: 5 муж. и 3 женскаго пола, 14 сентября 30 человекъ, 17 сентября 44 человекъ. Впослѣдствіи, число это возрастало и записанныхъ въ книгу въ настоящее время зна-

чится 80 человекъ. Впрочемъ, не всѣ и не всегда въ одно время посѣщаютъ школу. Средняя цифра постоянно — посѣщающихъ каждый учебный разъ—60. Посѣщеніе школы учащимся предоставлено ихъ доброй волею; поэтому всякіе удостовѣрительные документы отвергнуты школою. Мѣра эта была необходима и благотѣльна.

Время для занятій избрано нами послѣ обѣденное 2, 3 и 4-й часы по полудни, какъ весьма удобное для насъ. По приходѣ въ школу, ученики раздѣляются на неграмотныхъ, полу-грамотныхъ и грамотныхъ; каждое отдѣленіе раздѣлено на кружки или группы, каждая группа поручается особому наставнику, который смотритъ за нею и руководить.

Число учащихся, записанныхъ въ книгу, по возрасту, состоянію и занятіямъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

а) *По возрасту*: отъ 7 до 10 лѣтъ—10 чел., отъ 10 до 15 л.—40, отъ 15 до 20 л.—18, отъ 20 до 30 л.—2 чел.;

б) *По состоянію*: оберъ-офицерскаго званія 1 чел., духовнаго 1, солдатскихъ дѣтей 14, временно-обязанныхъ 4, дворовыхъ 4, мѣщанъ 56.

в) *По занятіямъ*: ремесленниковъ 50; земледѣльцевъ 15; служительскихъ дѣтей 10 и не имѣющихъ занятій 5. Всѣ 80 учащихся православнаго исповѣданія и южноруссы, изъ коихъ 64 мужескаго и 16 женскаго пола. Преподаватели являлись въ школу для исполненія своихъ добровольныхъ обязанностей всякій учебный разъ и занимались съ учащимися добросовѣстно, усердно. Школа не имѣетъ никакихъ средствъ содержанія, кромѣ букварей, пожертвованныхъ на первыхъ порахъ мною и руководствъ, присланныхъ правленіемъ товарищества «Общественная Польза.» Другихъ пособій школа не имѣетъ.

Намъ остается теперь просить «Основу» и другіе журналы, печатно пригласить всѣхъ сочувствующихъ доброму дѣлу помочь намъ высылкою книгъ и другихъ пособій. Мы вполне увѣрены, что на Руси есть много, очень много, сочувствующихъ общепользному дѣлу народнаго образованія, которые не откажутся помочь намъ.

Пособія могутъ быть присылаемы на имя учредителя школы, — *въ г. Каневъ, Преображенской церкви* Священнику Θεодосію Чайковскому.

Священникъ Θεодосій Чайковскій.

УКРАИНСКІЕ ТОВАРЫ ВЪ МОСКВѢ.

(12-го Января 1862 г.)

Слѣдя за ходомъ торговли, въ Москвѣ, нашими украинскими товарами, на первый разъ мы сообщимъ о двухъ главныхъ предметахъ—шерсти и сахарѣ. Важныя измѣненія, послѣдовавшія въ нашей чайной торговлѣ возымѣли нѣкоторое вліяніе и на цѣны шерсти; но къ-счастью, пониженіе цѣнъ на шерсть не такъ значительно, какъ можно было ожидать, при первомъ взглядѣ на потерю Кяхтинскаго дѣла. Московскіе фабриканты, вырабатывая для Кяхты сукна и драдедамы, ежегодно употребляли мыто-фабричной украинской шерсти до 80 т. пуд. Начиная отъ самой весны, цѣны на шерсть здѣсь держатся въ одинаковомъ положеніи. Фабриканты, работавшіе на Кяхту, прекратили выдѣлку кяхтинскаго сукна и драдедама, а въ замѣну ихъ работаютъ теперь сукна для внутренняго употребленія, сокративъ до нѣкоторой степени пропорцію выдѣлки. Цѣну на шерсть поддержали покупки для заграницы въ Троицкой и Ильинской ярмаркахъ. Противъ цѣнъ прошлаго года, шерсть въ Москвѣ дешевле, не болѣе 1 р. 50 к. на пудъ—именно:

Мыто-фабричная самый высокій сортъ,		
отборная отъ	30 р.	до 36 р.
Мыто-фабричная харьковскихъ, бѣлгородскихъ и воронежскихъ моекъ, средняя отъ	26 р.	до 28 р.
Низкія сорта тѣхъ же моекъ отъ	20 «	« 24 «
Перегонъ отъ	13 «	« 17 « 50 к.
Грязная отъ	8 « 50 к.	« 9 « 50 к.
Овчинная мытая отъ	21 «	« 24 «
Подпарокъ московскихъ и тульскихъ моекъ отъ	20 «	« 25 «
Ангорская отъ	28 «	« 30 «
Тумъ отъ	13 «	« 16 «
Цигей отъ	15 «	« 20 «
Очоски отъ саксонской пряжи отъ	27 «	« 29 «
Концы отъ сукна чистые отъ	10 «	« 12 «
Концы отъ сукна масляные отъ	7 «	« 9 «

Ворса отъ сукна бѣлая и цвѣтная					
отъ	3	«	4	«	
Кнопъ отъ сукна бѣлый и цвѣтной					
отъ	3	«	3	«	50 к.
Русская бѣлая отъ	6	«	6	«	50 «
Русская черная и сѣрая отъ	3	«	50 к.	«	4 « 50 «
Веролюжъ отъ	4	«	50 «	«	5 « 50 «
Козій пухъ бѣлый отъ	27	«	29	«	
Козій пухъ сѣрый отъ	22	«	24	«	

Излагая подробности цѣнъ на шерсть, мы можемъ заключить, что шерстяныя дѣла здѣсь пока еще не плохи, несмотря на то, что уже наступила и Крещенская (въ Харьковѣ), которая можетъ имѣть вліяніе на московскую шерстяную торговлю. Ежели на ярмаркѣ не купятъ для Польши и заграницы, тогда цѣны неизбежно должны упасть. Хотя время въ Москвѣ теперь очень тихое, но шерсть покупаютъ. Въ последнее время куплено для двухъ фабрикъ гг. Алексѣевыхъ, а также и другихъ, мыто-фабричной нѣсколько значительныхъ партій. На ангорскую, пигей и тумъ, теперь хорошій спросъ для здѣшнихъ фабрикъ, но въ Москвѣ этихъ шерстей въ настоящее время мало. Кнопъ и ворсу хорошо покупаютъ для заграницы, даже стараются покупать впередъ, что будетъ выходить изъ фабрикъ. Русскую бѣлую также начинаютъ покупать для заграницы. Козьего пуха бѣлаго и сѣраго также есть покупки. Теперь мы ожидаемъ извѣстій изъ Харьковской крещенской ярмарки, какія будутъ тамъ покупки шерсти, сколько и куда ее поступить, и притомъ же ожидаемъ привоза значительныхъ партій шерсти изъ Казанской, Тамбовской и др. губерній, откуда постоянно въ это время привозятъ Татары и другіе спекулянты.

Теперь въ Москвѣ, полагаемъ, количество шерсти мыто-фабричной, перегона и грязной для продажи находится не болѣе 50 т. пуд.

О сахарѣ скажу, что слухи о бѣдствіяхъ, постигающихъ наше малороссійское сахаровареніе, въ Москву какъ будто и не достигаютъ—рафинады здѣсь все также дешево продаются, какъ продавались весной и лѣтомъ. Причиною такихъ цѣнъ, намъ кажется, несоразмѣрно увеличившееся число рафинадныхъ заводовъ въ Москвѣ. Сколько мы понимаемъ это дѣло, теперь рѣдкіе изъ рафинадныхъ заводчиковъ не работаютъ себѣ въ убытокъ.

Цѣны петербургскимъ и москов-

скимъ сахарамъ.

Бобринскаго.	9 р.	Молво	9 р. 40 к.
Яхненко	8 « 90 к.	Кенига	9 « 40 «
Ротермунда.	8 « 75 «	Карръ	9 «
Браницкаго.	8 « 70 «	Гауфъ	9 «
Сангушко	8 « 70 «	Борисовскаго	9 «
Нешингера.	8 « 50 «	Кнопъ и Пасбургъ	9 «
Варшавскій	8 « 25 «	Генеръ и Гейнеке.	8 « 70 «
		Даниловской и К ^о	8 « 70 «

Пески свекловичные отъ 7 р. до 6 р. 30 к. за пудъ.

О. Нестеренко.

ДЕ-ЩО ПРО ЖИДІВЪ.

Увъ останні часи чи мало казано й писано про Жидівъ. Не перелічишь усёго, що надрюковали, щобъ громада поняла віри, що жиді—такі жъ люде, якъ и ми, и що вони мусять мати громадянські права. Сътакимъ поглядомъ, починаючи свої доказки, жидолібці очернили громаду. Якъ—такі? Въ наші часи ще живе фанатизмъ, ненависть, ще жидівъ мають не за однакихъ изъ нами людей, ще тіснять їхъ за віру, звичаї, одѣжу!

Швидче горніть жидівъ до свого сѣрця! Робіть їхъ сѣдями, генералами, міністрами! Нехай живуть де схочуть; нехай гандлюють, крамарюють скрізь по всёму царству. Не легко й спорити проти такихъ думъ, бо вони обираютьца на правду, та... чи не треба бъ спершу подумать — чимъ залатати дірки на свитахъ убогихъ селянъ, що жиди пообдирали? якъ одвичити одъ горілки опіеного жидомъ батька голоднихъ дітей, одъ крадіжки сина, або дочку, що жидъ навчивъ обкрадати батька, наймита, або челядку, що для жидів обносили хазяїна?

Я живу на Україні, у такихъ нетрахъ, де нема шкілъ, ні недільнихъ, ні щоденнихъ, де попи тільки разъ у годъ кажуть казань, передъ постомъ, щобъ приносили роковщину,—де станові, да пані, — та про сіхъ шкодъ й балакати. Живу тамъ, куди не досягъ ще світъ істини й науки, а де жиди вже опанували людъ — по містечкахъ и великихъ селахъ.

Хто не бачив зблизька, той не пойме віри, щоб один жид, у три-чотирі годи, знищив, запоганив, розбештував село, де тисяча, або й більш, ревизьких душ!

Де-ж береться у жидів та́я сила, на лихо людові й самим жидам, бо вона́ корінь нелюбови и кь ім?

Сила ся—поєднання жидів из панами й поліцією. Слуга пана й станового, годючи обом, жид не боїтья одурювати прбстих людей, бо й панъ и становий тягне руку за жид; тільки—такъ кажучи—се надвирня сторонá хати; сила жидів криється в їх, нічим незушиняемому, жаданні грошей, у зневазі и кь хрещеному люду, у безкраімъ мошенстві з не-жидами, а корінь цієї сили у самих жидівських давніх звичаяхъ.

Переходжу до фактів: нехай вони говорять за мене, бо такимъ робомъ способніше доказати правду.

Прийде у село жид из жидівкою; жидівка ще наданийша одурювати людей. Жид издить, купує, продає, а жидівка дома, порядкує. Наймуть хату, або панъ у свою посадить, бо панъ безъ жиди не обійдетця: жид и омани́ть ёго и вірний ёму якъ собака, бо знає, що держитця вінъ за панську голову. Накупить жид усічини: смоли, цвяшків, міла, голік, очіпків, реміню, підшів, хустік, не перелічишъ усёго! варить медъ, пече пироги, булки,—и починає людей підманювати. Небагато продажного борошна у якого-небудь хазяїна,—шкода й їхати самому у ярмалок! — Се б то треба прохати сусідів, бігати по хатахъ, та ще й могорічити; отъ и згадає: е в насъ жид на селі, чи не купи́в би вінъ? Иде до жиди, жид купить, звісно—дешевше, и забожитця и закланєтця, що на ярмалку така ціна. Хазяїнъ и не йме ёму гораздъ віри, та подумає: якъ мені клопотать, та могорічъ купувати, то на тежъ и вийде. А жид вже не випустить ёго такъ из хати: знає, що не іде вінъ у ярмалок, и питає—чи не треба то́го-другого? Наділить ёму хочъ горілого реміню, що заразъ поріпаєтця; а порадитись, якъ у ярмалку, немає з кимъ, та ще й візьме жид у-двоє, изновъ божитця-кленєтця, присягаєтця.

Ще-ж то добре, якъ жид не шинкує.... Надъ жиди шинкаря нема більшого безрєбреника; тимъ и не може дивитись на гроші—вадить ёму, якъ побачить, що чоловік гроші — за горілку оддає. »Хибá вь тебе,« — каже, — грошей до-биса, хибá тобі нічого не треба? П'яному заразъ и шибне у думку, що у хазяїстві чого-

небудь та й немає,—отъ за свої гроші й купить у жида, таке, що й не треба, зъ п'яної бачъ річи; а значокъ крейдою вже надъ лядою намалюванйй. Якъ нашѣ чоловікъ стільки, що й лїки погубить, тоді жидъ починає вже у-двоє записувати; а далі и йде у хату: «оддай, та оддай гроші: мені треба за бочку унести.» Одирошуетця хазяїнъ, щобъ до ярмалку подождавъ, а жидъ на пеню кричитьъ, щобъ соромъ зробити, щобъ сусїди почули, якъ шинкаръ гроші править, та після чоловікові очі довбали. Оддає плачучи хазяїнъ жидові гречкою, або борошномъ, по тій ціні, яку жидъ положить; а прийдетця випити зъ людми, изновъ набираетця на шию.

Коли на селі два шинки, у вь одному жидъ, у другому свій братъ, то до селянина й не ходять, бо той и вночі не швидко одчиняє, и понуро дивитця якъ розіспитця; на віру не дає, и закуски ніякої немає, а жидъ швидкий, ласкавий, на віру дає, и чехонь у єго и тарань, и бўлки, и одчинить жидъ заразъ, хочъ о півночи стукай; у хаті, хочъ и смердить, та тепло, бо про топливо жидъ не гараздъ клопочетця: люда й привезуть и зложуть за одио те, щобъ грошей подождавъ, бо жидові тільки самі багатирі та хурбети й не винні.

Поїде чоловікъ у лїсѣ, або у підводу; жінка сама дома; прийде до її кумѣ на поспради; прядуть, та й балакають. Отъ и згадають, якъ дивували вони, а мо ще й товаришки були, якъ складались на запуски, якъ у весіллі де-небудь разомъ гуляли; отъ кумѣ й каже: «э, випилось би добре, по сій мові.» А у хазяйстві й копійки за душею нема: останні гроші чоловікъ за подушне одніє, а признається соромно; не було-бъ жида, треба було-бъ и правду сказати. Отъ и йде хазяйка у комору, та й тягне чогò-небудь вóрочокъ. Принесє хазяйка свою пляшечку, потрошку, потрошку та й випють. Принесє й кумѣ своєї. Поснуть, а у ранці треба похмїлитись, —и вóрочокъ у жидівки. Чоловікъ приїде,—люде й докажуть, що жінка до жидівки борошно носїла; одбузує чоловікъ жінку, а жидівці й донесуть. Стріне де-небудь жидівка молодїцю,—заразъ и каже, та ще й головою хитає: «Ой, моя голубко, який же у тебе чоловікъ поганйй! такъ гарну людину нівечить... затопїла ти свою голову. Та се все черезъ людєй поганїхъ! ти якъ у-друге трапитця, то у вєчері принеси.» Жінка хочъ и одкаже жидівці, що не її дїло, що на те й чоловікъ, щобъ жінку вчивъ, а сама такї-жъ и подумає: усі сміютьця, що менє попобито; одна тільки жидівка пожалувала...

Розгоріє де-небудь дівчина кільконадцять шагівъ; ось и біжить до жидівки, щобъ стѣнжку, або яку прѣстеньку хустку, купити. »Се такій гáрній дівчині та такє купувати!« каже жидівка. »Ось, лишень, подивись, що в мене є! та й покаже дівці свій крамъ та по-в'яже її хустками, то заграйнишними, або изъ ланою, чи зъ орломъ, ще й до дзеркала підведе. Отуманіє дівка зовсімъ, и очі в її бігають; а жидівка тільки підхвільює, та ажъ губами цмокає: »теперъ дівка, гáрна дівка! усякий позавидує: купи що хустку; якъ тобі у її гарно!« Дівчина-бъ и рада купить, та грошей нема. »Я на тебе повірю, — каже жидівка, — починками оддасі. Дівчина й забере хустку. Та не лєгко ї одробити починками: де їх стілька нап'ясти! а жидівка усє про хустку згадує. Виберетця часъ, то й скаже дівчині: »ось у васъ лєнь є; ти бъ мені повісмивъ изъ двáдцять принесла, то й не була бъ віна.« Дівчина зразу ажъ злякаетця, що трєба у мáтки украсти, та хибá жидівка не всовістити! — Хибá жъ не ти, — каже вона, брала сей лєнь, не ти вибвáла? Та й старі вáші які: такú дівчину зодягають! хибá й не ти імъ не робишъ? хибá не зъ тебе перша помічъ?« Угóвтає такъ дівчину, що й принесє вона лєну, та ще у жидівки на віру що не будь візьме, — и почне тягáти зъ дому.. Ще жъ дóбре, якъ дівчина крїпка на вдáчу, то охапєтця, покáетця; а інша зовсімъ розбештуєтця: дома її бьють, лáють, товаришки сміютьця, ніхтó не берє; одна тільки жидівка дóбра, ласкава; відъ її бідна дівчина тільки й дóбре слóво почує, тільки жидівка й розвáжить її; а підъ сей случáй мо й нaні москалі стоять на селі, — такъ жидівка заторóплєнну дівчину ще й на инший пýть наведе, бо й на се жиди розумні зъ-биса...

У томú, що написавъ я тóтечка, нема й десяти, або й сóтої частини того, що виробляють жиди, де тільки окублятця. Зъ написанняхъ тутъ случáївъ можна тільки пізнати, якимъ пóбитомъ починаєтця й ведєтця жидівська омáна. Відъ її п'янство, злодїйство, бійки, занехання хазйїйства, вбóжєство. Коли помиляюсь, то щіро, и дякуватиму томú, хто одкриє мені очі.

Чогó-жъ дивуватись, що людъ нашъ недуже любить жидівъ, тихъ ворогівъ прирoжденихъ, що зъ давнихъ-давєнь ссуть кровъ України? Ненависти-жъ якъ жидамъ нема у народі; несмієтця народъ нашъ изъ ихъ віри, не глузує надъ їхъ звичáями, — принайме я не бáчивъ сєгó. Вінъ ще й поважáє жидá за розумъ и у притúзі рáдитця зъ імъ.

Г Українець не одурить, не обідить, жида, хибі той, що непожалує й свого брата. Він дивитця на жида, як на такого-жъ, якъ и вінъ, чоловіка. А жиди? Чи горнутця жъ вони хочъ тріхи до того люду, міжъ которимъ родятця, живуть и вмирають? Въ їхъ пихатому серці нема місця любові якъ простимъ людемъ. Тамъ тільки злоба, ненависть, гординь, зневага, давнє бажання давити людъ и панувати надъ імъ. Жидъ не злий у душі: добрий батько для своїхъ дітей, вірний мужъ своєї жінки; вікъ клопочучись про сѣмью, оддає останню копійчину, щобъ визволити зъ лиха свого брата. Коли жида обіжено, обезвичено, то халена, що склалась єму—халена та усімъ жидамъ. Вони разомъ изъ імъ плачуть и якъ можна, чимъ можна, ратують єго. Чому-жъ, якъ станетця якє лихо селянинові, жидъ тільки смієтця? Ні, мало сєго—у ложці воді радъ вінъ утопити нічимъ передъ імъ невинного чоловіка. Відъ васъ-то, панове-жиди, и е те, що зоветця фанатизмомъ и бездушшемъ. Зробітця людми, громадянами, борітця вкуні зъ громадою проти того, проти чого боретця громада; покиньте зневагу не-жидівъ; не одурюйте людей, — слєзами покути облійте свої давні и недавні гріхи, простягніто рўки якъ простому люду,—и людъ пригорне васъ до свого серця. Тоді й не бѣде місця писаннямъ за и проти жидівъ.

Митро Олельковичъ.

О ПУТЕШЕСТВІИ ПО УКРАИНѢ.

Незнакомый съ П. А. К., г. Шимановъ, въ концѣ зимы прошлаго года, написалъ къ нему письмо такого содержанія: что онъ окончилъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, со степенью кандидата, которая даетъ ему право на занятіе должности старшаго учителя гимназій, но что, прежде чѣмъ вступитъ въ службу, онъ желалъ бы ознакомиться съ своей обширной родиной, «Украиной обѣихъ сторонъ Днѣпра», чтобы офіціальная дѣятельность его, по возможности, была согласна съ жизненными требованіями края. Г. Шимановъ выразилъ, въ письмѣ своемъ, намѣреніе посвятить цѣлый годъ на поѣздки въ разныя интересныя для него мѣстности, но затруднялся неимѣніемъ для того денегъ, — общимъ у насъ препятствіемъ для тѣхъ, кто молодые годы

хочетъ посвятить работамъ, вознаграждающемся не скоро, работамъ, въ глазахъ большинства бесполезнымъ, которыхъ результаты вообще сомнительны.

Г. К. былъ очень доволенъ встрѣчею съ незнакомцемъ, который позналъ насущную потребность современной жизни, столь давно ужъ проповѣдываемую практическими иностранными обществами. Дѣло извѣстное, что Англичане обыкновенно отправляютъ путешествовать молодыхъ людей, окончившихъ курсъ школьнаго образованія, что Нѣмцы, Французы, Итальянцы дѣлаютъ очень часто то же самое. Въ Швейцаріи, дѣвицы богатыхъ семействъ нерѣдко поступаютъ въ гувернантки и компаньонки въ чужой сторонѣ, чтобы навикнуть жить самостоятельнымъ умомъ и характеромъ, безъ поддержки и руководства со стороны родныхъ. Это расширяетъ кругъ ихъ познаній вообще и даетъ вольный полетъ дѣятельности, къ какой способна женщина, какъ будущая хозяйка и мать семейства. Нечего и говорить о томъ, что всякій образованный иностранецъ хорошо знаетъ свой народъ и свое государство. Одни мы, говоря вообще, мало обращаемъ вниманія на эту важную сторону умственнаго и душевнаго развитія, — можетъ быть потому, что у насъ путешествія крайне-неудобны и трудны, по тысячѣ и одной причинѣ. Тѣмъ-не-менѣе слѣдуетъ преодолевать все трудности, имѣя въ виду великую пользу не только для самихъ путешественниковъ, но и для всего нашего общества. Вотъ-почему письмо г. Шиманова сильно заняло г. К. Онъ доставилъ ему небольшія средства, и г. Шимановъ весною прошлаго года пустился въ свое странствованіе. Теперь онъ возвратился въ свой уголокъ, и г. К. получилъ отъ него слѣдующее письмо, за которымъ должны послѣдовать путевыя записки, предназначаемыя г. Шимановымъ для *Основы*. Мы помѣщаемъ это письмо, въ видѣ простаго извѣстія о томъ, что происходитъ въ небольшомъ покаместъ кругу знакомыхъ и незнакомыхъ между собою людей, занятыхъ изученіемъ Украины въ различныхъ отношеніяхъ.

»Благодаря вашему, навсегда памятному мнѣ, содѣйствію, я имѣлъ счастье взглянуть на Украину. Мелко, бѣгло, положимъ, но все-таки я ее видѣлъ и приобрѣлъ возможность сказать кое-что про свою сторону, съ убѣжденіемъ самовидца. Я рассчитывалъ-было даже зазимовать въ какомъ-нибудь укромномъ, отдаленномъ закуткѣ Волыни; но, къ-сожалѣнію, возможность осуществить это намѣреніе оказалась мнѣ мѣня.

«Приступаю теперь къ письму, я чувствую себя нравственно обязаннымъ, хотя нѣсколько, подѣлиться съ вами результатами своей поездки; но, въ сжатомъ словѣ письма, вы, вѣроятно, ничего не нашли бы новаго, а чтобы безплодно предаваться повтореніямъ — для этого нужно слишкомъ молодо смотрѣть на время. Если, пересмотрѣвъ на досугъ свои скудныя замѣтки, найду въ нихъ, по личному разумѣнію, что-нибудь не безынтересное въ общей связи разсказа, то помѣшу въ *Основы*. Теперь я пока не спѣшу еще приступать къ этому дѣлу: пускай время отодвинетъ хоть сколько-нибудь мою дорогу подальше въ прошлое: тогда, можетъ быть, меньше окажется односторонне-личныхъ воззрѣній. Нелегко человѣку нашего замкнутаго класса, при продолжительной встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ жизнью, удержаться исключительно въ предѣлахъ созерцанія, а тѣмъ болѣе у себя дома, на родинѣ; нерѣдко чувство какъ-будто руководить мыслію и, какъ знать, быть-можетъ насилуетъ ее.

»Непосредственное собраніе матеріаловъ было не совсемъ успешно. Тутъ, кромѣ моей, быть можетъ, неопытности, особенно вліяло, — говорю это твердо, — исключительное, особенно — *современное* положеніе задніпровскаго края... Украинское жидовство непременно требуетъ *серьезной монографіи*, для полнаго уясненія его возмутительныхъ отношеній къ украинской народности. Удобно человѣку варьировать тему гуманности въ тиши кабинета, на нѣжащемъ креслѣ; но какъ легко разбивается въ-дребезги это доброе чувство, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ не всегда гуманною жизнью. Вспомню на этотъ разъ хоть мѣстечко Купель (Подольской губерніи, Проскуровскаго уѣзда); его проѣхали мы рано утромъ. На одной сторонѣ небольшой площади мѣстечка, жидъ, останавливая за *напѣвачъ* воловъ, билъ мужика палкой по головѣ и куда-попало за то, что мужикъ не уступалъ ему дровъ, по цѣнѣ, назначенной членомъ несчастнаго угнетеннаго племени. Мимо этой сцены бѣжали и проходили на богомолье въ Почаевъ кровные земляки мужика и только невозмутимо-спокойно крестились около «хвигуры.» Правда, вся полиція въ жидовскихъ карманахъ; но можетъ быть, болѣе существенная причина равнодушія — *крістьянская апатія къ жизни*, оправданная, такъ сказать, и суровой исторіей тамошняго народа. Да! не думаетъ жидовское племя о примиреніи съ преобладающей народностію: оно мститъ ей неустанно, безсознательно — пожалуй, за всю свою прошлую исторію, приучившую его къ изумительной, страшной солидарности.

» Не имѣя возможности лично и внимательно присматриваться къ тому или другому уголку, я искалъ иногда знакомствъ, чтобы путемъ разспросовъ и даже, если можно, переписки пополнять въ собранномъ мною пробѣлы. Трудъ мой былъ не напрасенъ: теперь уже обѣщаны мнѣ матеріалы изъ нѣкоторыхъ пунктовъ Волыни и Полтавщины. Все, что не войдетъ непосредственно въ нить разсказа о той или другой мѣстности — если только я сочту полезнымъ сказать что-нибудь печатно о своей дорогѣ — какъ напримѣръ *матеріалы народной поэзіи* — я буду пересылать вамъ, по мѣрѣ получения.

» Сталкиваясь въ дорогѣ съ самыми разнообразными личностями, я мало встрѣтилъ — но все таки встрѣтилъ — людей молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтъ, людей съ честной, глубокой скукой бѣднаго, безцѣльнаго существованія. Какъ ясныя минуты своего прошлаго, я буду вспоминать эти встрѣчи и бесѣды; можетъ быть, они не канутъ безслѣдно и для тѣхъ, съ кѣмъ я встрѣтился. Вамъ я обязанъ, что, хотя временно, я былъ связующей нитью не совсѣмъ дюжинныхъ людей, слишкомъ рѣдко еще насканнанныхъ на засоренной почвѣ родины.

» Позвольте нѣсколько продлить бесѣду съ вами, еще по поводу статьи *Передовые жидаы*. Съ человекомъ, вызвавшимъ ее, я знакомъ лично, столкнулся съ нимъ въ дорогѣ и теперь переписываюсь. Эта глубоко-правдивая, въ общемъ, статья вполне относиться не можетъ къ человѣку, давшему ей поводъ; онъ, дѣйствительно, слишкомъ рѣдкое исключеніе изъ своей замерзлой народности. Мнѣ пришлось лично говорить съ нимъ, по поводу этого предмета, и теперь онъ проситъ меня, въ письмѣ, позволить ему помѣстить въ *Сіонъ* нѣсколько словъ о положеніи жидовъ, среди южнорусскаго населенія, уже съ той далеко не сіонской точки зрѣнія, съ которой я сообщилъ ему нѣсколько разрозненныхъ фактовъ. Ваша статья вызвала въ немъ не раздраженіе, на что скорѣе всего падки люди, а полное уваженіе къ искренности и энергіи убѣжденій.

А. Шимановъ.

РУСИНЫ.

Съ 1857 года, въ Австріи, непрерывно издаются труды тамошней Статистической Коммисіи, состоящей подъ предѣлательствомъ извѣстнаго ученаго Чернига (Czoernig). Извлекаемъ изъ нихъ свѣдѣнія

о Южноруссахъ, или Русинахъ, вошедшихъ въ составъ Австрійской имперіи.

Въ Австріи, Южноруссы носятъ официальное названіе Рутеновъ (Ruthenen *Русины*): (названіе Малороссіянъ, Малоруссовъ и Южноруссовъ употребляется тамъ весьма рѣдко); Поляки, живущіе въ Галиціи, называютъ южноруссовъ — *Русняками* (Rusniacy).

Во всѣхъ Австрійскихъ владѣніяхъ, Русиновъ, въ 1856 году, считалось 2.937.800 чел.;—изъ нихъ, въ Галиціи, 2.281.800, въ Буковинѣ 142.700, въ Венгріи 440.600 и по южной границѣ имперіи, вмѣстѣ съ Воеводствомъ, 72.700. Въ общемъ числѣ полагаются и Русины-горцы (*Гуцулы* и *Бойки*), которыхъ, въ горной части Галиціи, считается 282.400 и въ Венгріи (*Леммаки* и *Лисаки*) до 150.000 человекъ.

Въ одномъ сплошномъ пространствѣ, Русины заселяютъ сѣверо-восточную часть Австрійской имперіи, и территория ихъ имѣетъ форму эллипсиса, большая ось котораго лежитъ съ сѣверозапада на юговостокъ; отъ этого эллипсиса, на границѣ Венгріи и Галиціи, выдается на западъ узкая полоса, миль въ 50 длиною.

Границы Южноруссовъ нигдѣ не прикасаются къ главной территоріи нѣмецкаго населенія, а напротивъ прилегаютъ на сѣверозападѣ къ польскому, къ словацкому съ запада, къ румынскому съ востока и въ серединѣ къ маджарскому племени; остальные части окружены Южноруссами Русской имперіи.

Сверхъ-того, Русины занимаютъ островами нѣкоторыя мѣста въ Венгріи, въ Славоніи и по южной границѣ Австріи, а также сѣверо-западную половину Буковины.

На западѣ, граница Русиновъ начинается подъ 38 град. восточн. долготы: отъ м. Лѣсеницы (лежащаго въ Карпатахъ на границѣ Венгріи и Галиціи), она идетъ на юговостокъ до г. Унгвара и на этомъ пространствѣ отдѣляетъ Русиновъ отъ Словаковъ. Эта часть границы почти не можетъ быть съ точностію опредѣлена, потому что она необыкновенно извилиста; такъ отъ Лѣсеницы она идетъ зигзагами на юговостокъ до д. Подпирачъ, чрезъ Кремпахъ и Ториску; отсюда поворачивается къ сѣверу, обходитъ извилинами г. Эперьесъ и отдѣляетъ на югъ полосы: одну до Якубовца, другую до Острова, третью до Просачева и Грабовца, четвертую до Кусына, и такъ доходитъ до г. Унгвара. Отъ этого города начинается Русино-Маджарская граница, потому же, общему, юговосточному направленію чрезъ кр. Мункачъ до м. Боль-

шой Солець. За этимъ же мѣстечкомъ Южноруссы граничатъ съ Румынскими племенами, почти вдоль по теченію р. Тарпы чрезъ г. Шигетъ, Вишени, Кирибабу до д. Вальры, отъ которой граница круто поворачиваетъ на сѣверъ до д. Михова, а оттуда, обойдя г. Черновицы на сѣверовостокъ до д. Доброноницъ, входитъ въ русскіе предѣлы.

Очерченная здѣсь граница южнорусскаго народа, еще не опредѣляетъ всего населенія Русиновъ съ этой стороны; она тянется далѣе на югъ частью полосами, частью островами и даже отдѣльными селеніями; нѣкоторыя изъ нихъ откинута на югъ за 40 и болѣе миль.

Русинская граница съ Поляками начинается также отъ Лѣсницы и идетъ сперва на сѣверъ почти до м. Грибова, а потомъ на востокъ до Рыманова; отсюда общее направленіе опять на сѣверъ чрезъ с. Липникъ; г. Ярославъ до с. Лежахова, при которомъ переходитъ на правый берегъ р. Сана, по тому же направленію упирается въ предѣлы царства Польскаго.

Какъ Южноруссы имѣютъ поселенія въ очерченныхъ здѣсь границъ, такъ равно и въ ихъ странѣ поселились иноземцы. Нѣмцы, напримѣръ, живутъ почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ края; Поляки, въ западной части Галиціи, полосами, островами и отдѣльными селеніями, которыя тянутся на востокъ за г. Львовъ до м. Глиняны и далѣе, и наконецъ, Евреи повсемѣстно разбросаны по краю. О разнородности населенія Галиціи можно судить по тому, что на 1346 квадр. геогр. миляхъ всего пространства ея, Поляковъ считается 1.980.000, Нѣмцевъ около 115.000, Евреевъ 449.000; разнаго рода Славянъ слишкомъ 92.000, а Русиновъ 2.083.000.

Въ краткой статистикѣ Австрійской имперіи, изданной Черингомъ въ 1861 году, уніаты названы католиками греческаго исповѣданія, а православные названы несоединенными (Неунитами—Nichtunirte). По этой статистикѣ, православныхъ показано въ Галиціи только 200 человекъ, въ Буковинѣ 352.000 и въ Венгріи болѣе 1.103.000; зато въ Галиціи Уніатовъ считается 2.077.000—число почти равное всему южнорусскому населенію. Въ Венгріи и Буковинѣ, православіе удерживается между Молдавянами и Валахами, т. е. въ румынскомъ населеніи.

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Къ читателямъ.—По поводу направления «Основы».—Два слова о еврейхъ, и разности между отвлеченностью и дѣйствительностью, между мыслью и дѣломъ.—Поздравительная статейка «Кіевского Телеграфа».—Г. Страшкевичъ—біографъ и судія стараго года.—О чемъ писать? — Народныя школы и участіе въ нихъ духовенства.—Неудавшійся проектъ Черниговской женской гимназіи.—Крестьянское дѣло. — Уставныя грамоты и общественное крестьянское управленіе. — Распоряженія правительства. — Причины увольненій мировыхъ посредниковъ. — Финансовыя затрудненія.—О сахарныхъ заводчикахъ.—Проектъ общаго поземельнаго банка.—Уничтоженіе откуповъ.—Извѣстія для винокуровъ. — Новые налоги.—Разныя извѣстія.

Въ «Основѣ» ощущался недостатокъ общаго обзора разнообразныхъ явленій южнорусской общественной жизни. До-сихъ—поръ мы только слегка могли касаться частныхъ вопросовъ, занимавшихъ наше общество, преимущественно обращая вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые выдавались изъ уровня новсѣдневости, разъясненіе которыхъ должно было послужить основой и оправданіемъ появленія нашего вѣстника: такіе существенные для насъ вопросы составляли предметъ особыхъ статей. Теперь, по нашему мнѣнію, можно уже отвѣтить не гадательно: что такое *Основа*; кто внимательно слѣдилъ книжку за книжкой—безъ пристрастія и предубѣжденія,—тотъ не можетъ не согласиться съ нами. Съ настоящей книжки, мы, по возможности, постараемся слѣдить за постепеннымъ развитіемъ тѣхъ или другихъ явленій южнорусской жизни, возводить эти явленія до ихъ общихъ началъ и отыскивать, такимъ—образомъ, необходимую связь между ними. Взглядъ нашъ на нравственное и вещественное положеніе южнорусскаго общества, на различныя потребности и мѣстныя условія края будетъ больше и больше выяснять направленіе нашего вѣстника. Въ «Основѣ», какъ и во

всякомъ другомъ журналѣ, оно не могло еще выразиться, въ короткое время, со всѣхъ сторонъ; но (повторяемъ) главныя ея начала, которымъ постоянно слѣдовала и будетъ слѣдовать редакция: уваженіе къ правамъ личности, къ народу и народности и устраненіе сословной, національной и религіозной вражды и всяческихъ недоразумѣній, посредствомъ разъясненія темныхъ вопросовъ нашей современной и прошедшей жизни, — останутся неизмѣнны. Руководящею идеею «Основы» будетъ — просвѣщеніе въ *народномъ* духѣ. Редакция отвергая всякую исключительность и замкнутость, въ тоже время считаетъ вреднымъ космополитизмъ, который, раньше или позже, переходитъ въ полное равнодушіе къ мѣстнымъ народнымъ пользамъ и нуждамъ. Общеніе съ другими народностями необходимо и плодотворно для каждаго народа, но оно приноситъ истинную пользу только тѣмъ обществамъ, которыя почерпаютъ главныя жизненныя силы изъ родной почвы, которыя богатѣютъ не столько заимствованіями отъ сосѣдей, сколько разработкою нравственныхъ и вещественныхъ даровъ природы въ своемъ краю, въ своемъ племени».

Sionъ, органъ русскихъ евреевъ, усомнился въ вѣрности *Основы* своей программѣ, оттого только, что мы не закрываемъ глазъ на то зло, которое дѣйствительно существуетъ въ нашей общенародной жизни, но котораго *Sionъ* видѣть не хочетъ... ему и такъ хорошо... *Sionъ* основалъ свое мнѣніе на нѣсколькихъ, произвольно имъ вырванныхъ и сопоставленныхъ, выраженіяхъ статьи г. Кулиша, какъ будто не видя, что г. Кулишъ сдѣлалъ частную замѣтку о поступкѣ *Siona*, а не рѣшалъ вопроса о Евреяхъ вообще... Жизнь даетъ не за разъ цѣлую груду вопросовъ, требующихъ разрѣшенія; возникновеніе ихъ слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ постепенности, по которымъ развивается все живущее; только при помощи добросовѣстнаго, основательнаго и непремѣнно *последовательнаго* обсуждения разныхъ сторонъ предмета, можетъ составиться о немъ полное и ясное понятіе... Предположимъ, напримѣръ, что въ *Основѣ* разсматривается вопросъ о вліяніи евреевъ на развитіе народнаго благосостоянія въ Украинѣ, и доказывается, что вліяніе это вредно при томъ разобщеніи и непріязни, въ которой стоитъ еврейская община къ христіанскому простонародью. Мы, по опыту, увѣрены, что не одинъ *Sionъ* папалъ бы за это на *Основу* съ ожесточеніемъ и съ такой стороны, съ какой не ожидаешь: «Можно ли такъ говорить о націи, находящейся еще въ такомъ жалкомъ состоя-

нія въ отношеніи гражданскихъ правъ своихъ, по которую всѣми силами слѣдуетъ теперь возвысить, доставить ей гражданское равенство». Многіе, по своимъ личнымъ видамъ, или, просто, по незнанію края, тотчасъ бросились бы въ отвлеченности, начали бы, сыпать громкими фразами, краснорѣчивыми, но — общими, мѣстами, и, разумѣется, укорили бы насъ *въ неуваженіи къ чужой народности, да еще угнетенной!* Основываясь на однихъ *общихъ* положеніяхъ, читатель, можетъ быть, тоже обвинилъ бы насъ — и обвинилъ бы вовсе несправедливо. На самомъ дѣлѣ, мы искренно желаемъ всякаго благополучія еврейскому племени, — да дѣло въ томъ, что это благополучіе невозможно при враждебныхъ отношеніяхъ евреевъ къ нашему народу, — что, наконецъ, честный народъ, а въ-особенности передовые его люди должны отвергать благополучіе, зиждущееся на злополучіи другихъ. Наше уваженіе къ праву еврейскаго, и всякаго другаго, народа, наше желаніе ему добра, тѣмъ прочтѣе и искреннѣе, чѣмъ мы безпристрастнѣе, и потому раскрывать вредъ фальшивыхъ отношеній одной части общества къ другой, есть долгъ всякаго добросовѣтнаго дѣятеля: кто истинно любитъ народъ, кто дѣйствительно служить правдѣ и добру, тотъ не побоялся ни упрековъ, ни хитрости, ни протестовъ, ни даже угрозъ. Говоря о евреяхъ, мы имѣли ввиду не теорію, а дѣйствительность. Мы заявляли фактъ, какъ *фактъ*, а не какъ положеніе, выведенное изъ ряда силлогизмовъ, — потому что мы знаемъ, мы видимъ — этотъ фактъ. Иное дѣло, если мы посмотримъ на него съ другой стороны и постараемся найти выходъ изъ обоюднo-вредныхъ отношеній между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ: тогда естественно, мы прійдемъ къ необходимости уравниенія правъ обоихъ народовъ, и такимъ образомъ признаемъ то, что совершенно согласнo съ нашей программой, съ нашими основными убѣжденіями.

Если нашъ взглядъ будетъ въ чемъ либо отличаться отъ еврейскаго и теоретическаго, то развѣ по вопросу о времени и способѣ уравниенія евреевъ съ нашимъ народомъ въ гражданскихъ правахъ. Мы, (въ VI книжкѣ 1861 года), сказали, что «для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреда ея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или — что еще хуже — стремятся подчинить ее своей власти или своему вліянію». Этими словами мы нисколько не думали грозить кому бы то ни было. Положеніе высказанное нами, не изъ книжекъ вычитано, а взято прямо изъ жизни. Мы понимаемъ, что при на-

стоящемъ положеніи евреевъ посреди нашего народа, иначе и быть не можетъ, но надо же приводить этотъ фактъ въ сознаніе, чтобы постараться общими силами выйти изъ этого положенія мирно, съ обоюдною пользою для обѣихъ сторонъ: съ этой именно мыслью мы сдѣлали свое замѣчаніе; а *Время* увидѣло въ этомъ *вызывающую силу*. Что это за «вызывающая сила», мы рѣшительно не можемъ понять... Взявшись судить, хорошо и честно защищать невиннаго; но чтобъ судить справедливо, недостаточно одного добраго желанія, или отвлеченнаго понятія о правѣ: нужно еще знаніе, изслѣдованіе дѣла; а для этого необходима любовь, трудъ, терпѣніе, что такъ рѣдко у насъ встрѣчается даже въ собственныхъ дѣлахъ, а въ чужихъ почти не встрѣчается. Отъ этого-то, многіе приговоры даже умныхъ и честныхъ русскихъ людей чаще всего напоминаютъ намъ великую истину: *Summum jus—summa injuria*. Дѣло въ томъ, какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ (въ *Тысячелѣтіи*), что «у насъ не сознанная потребность факта вызываетъ отвлеченное понятіе, а послѣднее принимается за необходимость въ его общемъ значеніи, и потомъ уже мы ищемъ факта; а такъ какъ оно, само по себѣ, прилагается къ слишкомъ многому, то изъ этого и выходитъ, что мы разомъ хотимъ слишкомъ много, хватаемся за тысячу фактовъ, ко всемъ разомъ стремимся, ни одного какъ слѣдуетъ не осмотримъ со всѣхъ сторонъ, ни одного не оцѣнимъ,—не знаемъ, что намъ поставить прежде, что послѣ—и наше понятіе остается чѣмъ то неуловимымъ, непримѣнимымъ, а потому, въ сущности, ненужнымъ (*фальшивымъ*, хотѣлось бы намъ сказать). Отъ этого у насъ шаткость въ сужденіяхъ, нетвердость въ приговорахъ, несообразность слова съ дѣломъ!» Но это болѣзнь, на которую можно пока, указать: трудно избавиться отъ нея разомъ. Хорошо, если хоть желаніе будетъ, да желаніе, вызванное сознаніемъ его необходимости, а не то, которое сегодня есть, а завтра—поминай какъ звали. Съ такимъ далеко не уйдешь, а и уйдешь, такъ только на словахъ; дѣло далеко позади останется. Къ этому мы присмотрѣлись; на словахъ—послѣдняго нищаго не оставляли безъ хлѣба, всевозможныя права давали человѣку, народу и народностямъ... а пришло до дѣла—ни нищія, ни народъ, ни народности не сказали спасибо.

Но, мы не унываемъ. »*Перебулай приодоньку — перебудемъ и славу!*... Одна правда одерживаетъ вѣрныя побѣды...

Заговоривъ о томъ, что между мыслью и дѣломъ, между му-

достоинствомъ книжной, т. е. вычитанной изъ книжекъ, и мудростью жизненной, т. е. дѣйствительнымъ примѣненіемъ ея къ жизни, лежитъ цѣлая бездна, мы не можемъ не привести чрезвычайно любопытнаго явленія, встрѣченнаго нами въ 1 № «Кіевского Телеграфа»: это статейка г. *Страшкевича*, подъ названіемъ *Старый и Новый Годъ*. Говорятъ, сочинитель ея—*ученый*; если это вѣрно, то нашимъ читателямъ нетрудно прійти къ заключенію котораго, мы, съ своей стороны, не дѣлаемъ—за излишествомъ.

«Старый и Новый годъ» вышли у г. Страшкевича чрезвычайно занимательны, какъ своимъ *общимъ*, изъ котораго впрочемъ почти ничего понять нельзя, такъ и своимъ *частностями*, изъ которыхъ многія *очень* даже понятны, несмотря на то, что тутъ—«ни слова—просто: все съ ужимкой». «Годы иногда, являются въ костюмахъ», повѣдалъ намъ г. Страшкевичъ. «Мы видѣли костюмъ стараго года: сѣрую баранью шапку, юхтянные сапоги съ длинными голенищами, козачку изъ толстаго сукна,—нѣчто въ родѣ большаго маскарада. Это значитъ, что старый нашъ годъ хотѣлъ присвоить себѣ непринадлежащія ему права, хотѣлъ противиться порядку, установленному *природою* и людьми: именно, онъ хотѣлъ остаться на долго *новымъ* (курсивъ въ подлинникѣ), хотѣлъ маскироваться, надѣвать костюмы далѣе срока, опредѣленнаго обычаями: маскарады продолжаются только до великаго поста—потомъ слѣдуетъ *покаяніе*» (курсивъ въ подлинникѣ...) Какъ это все тонко сказано!.. Читая это, мы уже начинали было бояться за старый годъ: покается ль онъ, или—пойдетъ во тьму кромѣшную... но г. Страшкевичъ тотчасъ насъ успокоилъ: старый годъ, по его удостовѣренію, «сознался въ своей винѣ и покался»—хотя покался поздно. Но—лучше поздно, чѣмъ никогда; это всему міру извѣстно и, конечно, въ томъ числѣ г. Страшкевичу; онъ вѣрно, вспомнилъ, что сознаніе есть половина исправленія и, безъ-сомнѣнія, помиловалъ уже стараго покойника. Этотъ покойникъ, по словамъ біографа, за удовольствіе носить костюмы, «принужденъ былъ не разъ платить штрафъ и сидѣть подъ арестомъ...» Неужели?.. Нѣтъ, мы вамъ не вѣримъ: сколько тысячъ простаго, честно трудящагося народу ежедневно ходитъ передъ вами въ *спрой* (сѣвій?) *бараньей шапкѣ*, *юхтяныхъ сапогахъ съ длинными—предлинными голенищами*, въ *козачкѣ изъ сѣраго сукна*—и неужели вы всѣхъ ихъ сажаете подъ арестъ? Едва благодатная вѣсть освобожденія пронеслась надъ жаждавшимъ ея народомъ—а вы ужъ снова его закрѣпощаете? едва

успѣли снять съ него одни узы, вы уже сжимаете его другими, насмѣхаетесь надъ его простой, естественной, народной, *рускою* одеждой?... Да вы вѣрно шутите: быть не можетъ! И кто вы такой? не вамъ ли лучше покаяться? не вселился ли въ васъ духъ какого нибудь стародавняго *недóляшка*, фаталика-перевертня, не позволявшаго въ древне-рускомъ Кіевѣ, говорить по-своему, — молиться по-своему, — одѣваться по-своему, — думавшаго строить жизнь на свой образецъ, — наперекоръ разуму и природѣ?... Невольно задаешь эти вопросы, недоумѣвая — отъ кого слышишь подобныя рѣчи... Но послушаемъ васъ дальше: быть можетъ намъ станетъ ясно — кто вы? «Новый годъ», говорите вы, «одинокій лишенный отца (!?) будетъ вести себя *благопристойниѣ* (да чѣмъ же *русскій* старый годъ — въ бараньей шапкѣ и проч. велъ себя не благопристойно)?..

«Не станемъ думать, что молодость наша будетъ продолжаться всегда, (*что́же? слѣдуетъ по-зашему состариться прежде времени?*), что снисхожденіе (*да въ чѣмъ?*) къ намъ нашихъ начальниковъ, нашихъ старшихъ, никогда не истощится, что они всегда будутъ гладить насъ по головкѣ и приговаривать: *«гуляйте, дѣтки еще мыслями (это что́ за загадка? гулять мыслями!..)*» «Вспомнимъ, что послѣ масляны слѣдуетъ великій постъ, что *начальники не только умѣютъ гладить, но могутъ съ нами иначе сладить* (курсивъ въ подлинникѣ): *они могутъ насъ перевести на тѣсныя квартиры* (курсивъ въ подлинникѣ), *гдѣ говорятъ, не очень выгодно, и сдѣлать намъ разнаго рода другія непріятности, могутъ надѣть на насъ такіе костюмы, какихъ не носилъ и старый годъ».*

Ну, послѣ этой выписки пускай кто захочетъ угадываетъ — ученый или не ученый г. Страшкевичъ, а мы не беремся.... Въ последнее время, кой-гдѣ, нѣкоторые ученые такіа колѣнца выкидывали, «*що ажъ обѣ поби рукамі не разъ мѣ ударились*»... Може й панъ (да й який ще панъ!.. мабуть — на всю губу!) може й панъ Страшкевичъ — ученый... Чи намъ же, прѣстимъ людямъ, старого году, про те знати?? Може г. Страшкевичъ тільки прикинувся ученимъ? може вінъ який ксѣндзъ, що парафія відъ его відпуралася, а вінъ все-такій свою орацію править?... Тщеславіе ненаситимо... Вотъ и старый русской годъ: все впередъ смотрѣлъ... А, вѣдь, мужикъ онъ былъ: носилъ баранью шапку, которая, по высокоблагородному замѣчанію г. Страшкевича, «служила нѣкогда укра-

шеніемъ татарской башки и *мужицкой* головы», а тутъ вдругъ «угрожала въ Кіевѣ сдѣлаться модною... (но еще не сдѣлалась)», утѣшаетъ насъ г. Страшкевичъ: радуемся, вмѣстѣ съ нимъ! честь всего дороже. Знай, мужицкая башка, свое мѣсто: подъ арестъ ее! Не такъ ли г. Страшкевичъ?

Забавный біографъ стараго года выражаетъ надежду, что новый годъ будетъ солиднѣе (т. е., будетъ рядиться въ такую одежду, какую предприниметъ оный наставникъ); что онъ, т. е. *новый годъ*,—будетъ исполнять только свою *прямую* обязанность—*напоминать намъ о скоротечности жизни (!!!)* и *побуждать* къ полезному труду *всякаго по своей части!*» Послѣ этого сумбуру, мы ужъ окончательно убѣдились, что г. Страшкевичъ—не ученый; и справляться не будемъ! нѣчего даромъ терять время, о скоротечности котораго напоминаетъ намъ новый, вышколенный, выправленный и вымуштрованный г. Страшкевичемъ шестьдесятъ второй годъ. Правда, нашу увѣренность нѣсколько смущаетъ филологическая ученость; но и тутъ—не Богъ знаетъ какая мудрость:—не подѣлать ученому. *Годъ*, по объясненію г. Страшкевича, означаетъ *опредѣленное время*; отъ него происходитъ слово *гадать* (?); оно значить тоже, что *срокъ*,—откуда *реку*, или, лучше, польское *Rok*, чешское *létó*, сербское *година* (также *лѣто*); а вотъ этимологія греческаго названія года (*этосъ*) неизвѣстна: это вѣроятно сокращеніе другаго названія *эпиаѣтосъ*, какъ латинское *annus* и еврейское *шана*; нѣмецкое *Jahr* тоже означало прежде *какое нибудь (!) время*, отсюда *Frühjahr* (раннее время), *Spätjahr* (позднее время); корень этого слова одинаковъ съ нашимъ *ярый*, что значить собственно *молодой*, а затѣмъ уже бодрый, веселый, злой; въ чешскомъ—тамъ *јаго* тоже, что *wesna*»...

Не правда ли, все это ново и любопытно... Г. Страшкевичъ такъ увлекъ насъ, что мы не можемъ не привести еще сказочку, которою заканчиваетъ г. Страшкевичъ свой новогодній подарокъ. Вотъ она—и какъ поэтически, по-народному, разсказана!... «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, *изволите видѣть*, жили да были... нѣтъ виноваты! просто находилась пропасть, черезъ которую вела узкая *кладка*; на этой *кладкѣ* встрѣтились, въ *одно прекрасное утро*, старикъ и молодой; разминуться *было нельзя*, воротиться не хотѣли, словомъ одному нужно было падать въ пропасть. *Хоть и было юноша, въ первомъ увлеченіи чувства;*

но какъ разъ, въ это время, ноги старика задрожали, онъ пошатнулся и *поневолю* (не господинъ ли Страшкевичъ столкнулъ его?) предупредилъ юношу, который, конечно, не заблагоразсудилъ лѣтъ туда же, ради компаніи, и перешелъ на другую сторону пропасти». Авторъ, слѣдуя пословицѣ — *на тобі, небѣже, що міні неогоже*, дарить эту сказочку, *на новій годъ*, всѣмъ своимъ знакомымъ (надѣмся, ихъ не много?) и вообще всѣмъ читателямъ «Кіевского Телеграфа». Очень вамъ благодарны, г. Страшкевичъ, очень, очень вамъ благодарны. Если бы разборъ вашего поученія не занялъ столько мѣста, мы бы тоже рассказали вамъ одну сказочку, изъ временъ Петра, къ которымъ вы гораздо больше подходите, чѣмъ думаете. Но у насъ времени нѣтъ, и потому—до пріятнѣйшаго свиданія; намъ съ вами не по дорогѣ, да и читателямъ нашимъ — тоже.

Остановимся на минуту, и вздохнемъ свободнѣе... Съ чего начать нашу лѣтопись? Предметовъ такое множество, что голова закружится если захочешь свести эти предметы въ одно цѣлое, найти между ними что нибудь общее... Такъ намъ казалось, когда мы со страхомъ стали перебирать огромныя кипы лежащихъ передъ нами губернскихъ вѣдомостей. Вотъ просмотрѣли нумера однихъ, другихъ, третьихъ... все фамиліи, фамиліи пожалованныхъ, переведенныхъ, назначенныхъ, уволенныхъ; далѣе вызовы къ торгамъ, объявленія; потомъ: *слушали* то-то и то-то, *приказали* то-то и то-то... и т. д., и т. д. Гдѣ же общественная жизнь наша? спросили мы себя, переглядѣвъ нумеръ за нумеромъ всю кипу, и не найдя того, что намъ именно нужно... Народу, кажется, гибель раскинулася онъ на пространствѣ огромномъ, вопросовъ затронуто множество, принимаютъ и принимали ихъ далеко не вездѣ одинаково... чего же лучше? Впрочемъ, не однихъ насъ постигаетъ такая участь. Просмотрите любую современную хронику, любое современное обозрѣніе—и вы встрѣтите вездѣ одно и тоже: недостатокъ фактовъ, отсутствіе жизни, какая-то пустота, глушь... Отчего же это? Да отъ разныхъ причинъ: съ одной стороны, виноваты наши редакціи мѣстныхъ газетъ, которыя не слѣдятъ за событіями на мѣстѣ и, такимъ образомъ, и намъ не даютъ возможности слѣдить за ними; съ другой... мы хотѣли было сказать — общество, да — виновато ль и оно? Жизнь складывается не по нашимъ указаніямъ и не по нашимъ мѣркамъ: она развивается сама-собою. Отъ насъ только и можетъ зависѣть одно: дать ей возможность проявляться въ цѣлыхъ массахъ, раскинутыхъ на далекомъ пространствѣ,

обобщать ее, расширять ее для всѣхъ слоевъ общества... Но вопросъ, затронутый нами, слишкомъ сложенъ... Мы чувствуемъ, что вокругъ насъ какою-то невидимою рукою обведенъ магическій кругъ, въ предѣлахъ котораго тѣсно, душно, но за который нѣтъ возможности переступить. Гдѣ-то чувствуется бѣшеніе жизни, гдѣ-то слышатся неясные и не совсѣмъ понятные звуки; хотѣлось бы на нихъ откликнуться, хотѣлось бы такими же полу-словами, едва понятными, — да только и откликаешься чуткимъ сердцемъ...

Скажемъ хоть о томъ, что есть. Начнемъ, конечно, съ образованія, со школъ. Здѣсь встрѣчаются факты утѣшительные, на которыхъ сколько нибудь успокоивается сердце, но будутъ и не совсѣмъ хорошіе. Въ числѣ хорошихъ, чрезвычайно рѣзко выказывается успѣхъ заведенія школъ въ черниговской епархіи, застѣдѣтельствоваанный указомъ св. Синода, преосвященному Филарету архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому.

Выписываемъ этотъ указъ вполнѣ: «Св. Прав. Синодъ *слушали*: предложеніе испр. д. оберъ-прокурора, князя Сергія Николаевича Урусова, отъ 31-го минувшаго августа, за № 4943, о числѣ сельскихъ приходскихъ школъ, открытыхъ въ черниговской епархіи въ 1860 году. *Приказали*: усматривая изъ доставленныхъ вашимъ преосвящен. свѣдѣній, что до поступленія вашего, въ 1859 году, на черниговскую кафедру, всѣхъ школъ для поселянскихъ дѣтей было только 20, и что, вслѣдствіе сдѣланныхъ вами распоряженій, при церквяхъ черниговской епархіи открыто, въ 1860 году, 769 школъ, въ которыхъ обучается 5,777 мальчиковъ и 1,292 дѣвочки, святѣйшій синодъ опредѣляетъ: о таковомъ отрадномъ явленіи въ дѣлѣ народнаго образованія, на что обращено особое вниманіе Государя Императора, довести до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, чрезъ г. испр. д. оберъ-прокурора, князя Сергія Николаевича Урусова, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить вашему преосвященству совершенную признательность святѣйшаго синода. О чемъ вашему преосвященству послать указъ. Затѣмъ, о числѣ открытыхъ въ черниговской епархіи школъ припечатать въ издаваемыхъ при министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ журналахъ, а также и въ журналѣ «Духовная Бесѣда». Октября 9 дня 1861 года».

Въ одинъ годъ — изъ 20 школъ сдѣлать 769 — этого нельзя было достигнуть безъ необыкновенныхъ стараній. Разумѣется, цифра сама-

по-себѣ еще не представляетъ удостовѣренія въ дѣйствительной пользѣ школъ; для этого необходимо бы знать, какъ и къмъ ведется въ нихъ дѣло обученія. Намъ приходилось слышать, что въ этихъ школахъ занимаются только одной грамотой; если даже это и правда, то все-таки имя преосвященнаго Филарета надолго останется памятнымъ въ исторіи народнаго образованія, потому-что грамотность—первая и необходимая ступень къ нему. Хорошо, если есть возможность и время заниматься еще чѣмъ-нибудь и другимъ, но довольно и того, если всякій кто можетъ, станетъ обучать хоть одной грамотѣ.

Изъ Кіевской губерніи тоже пишутъ, что рѣдко найдется тамъ село, въ которомъ при церкви не было бы школы. До вступленія высокопреосвященнаго Арсенія въ управленіе Кіевскою митрополіею, въ ней было 383 школъ. До 1 января 1861 года открыто тамъ 1046 школъ, въ которыхъ учащихся было—мальчиковъ 16.269, дѣвочекъ 4654, считая здѣсь и села казеннаго вѣдомства. Весьма важно пынѣшнее участіе *духовенства* въ образованіи народа, отъ котораго оно почти было отдѣлилось—сравнительно съ прежними временами. Это сближеніе дастъ сельскимъ священникамъ возможность—короче познаться съ народомъ, и принести ему ту пользу, для которой духовенство призвано и которой народъ отъ него ждетъ—не дожидется.

Нашъ народъ еще помнитъ тѣ времена, когда священники или выходили прямо изъ его среды, или избирались обществомъ, когда, въ тѣсномъ союзѣ съ нимъ, они находили опору противъ насилій Уніи. Только тогда было одно время,—теперь—другое. Мало-по-малу духовенство стало отдѣляться отъ народа, чуждаться его, проникаться владѣльческими понятіями, — стало пренебрегать родною рѣчью, смотрѣть на простонародье свысока и въ словѣ «мужикъ» видѣть бранное слово: естественно, братская связь должна была порваться, и единопудшіе, довѣріе и общность пользы—исчезли. Воспитываемые съ малолѣтства на началахъ, чуждыхъ народному духу и жизни, иногда даже на презрѣніи къ народу, лучшіе священники, живя потомъ въ селахъ, съ трудомъ скрѣпляли однажды порванную связь, а нѣкоторые—и вовсе не считали нужнымъ скрѣплять ее. Вліяніе духовенства, даже въ добромъ дѣлѣ, стало падать, такъ-что, когда возникъ вопросъ объ уничтоженіи пьянства, о распространеніи обществъ трезвости, то сразу оказалось, что *слово* духовенства потеряло въ народѣ прежнюю силу и надо было прибѣгать къ *особеннымъ* мѣрамъ. Эти особенныя мѣры, къ сожалѣнію, были не чисто-правственныя, —

не примѣръ, не искреннее сближеніе,—къ чему такъ внимателенъ и чутокъ народъ: напротивъ, нѣкоторые священники стали брать съ прихожанъ *клятву*—не пить горілки,—что разумѣется, могло имѣть успѣхъ только временный. И вотъ—о трезвости уже и не слышно. Дай Богъ, чтобъ не было того же и съ нашими школами... На духовенство, въ этомъ отношеніи, мы много надѣемся.

Вообще, школы или, лучше, потребность грамоты и чтенія въ нашемъ народѣ развивается больше и больше; сочувствіе къ народу, къ народному образованію возникаетъ и въ средѣ помѣщиковъ, изъ которой появляются уже женщины, горячо преданные благородному дѣлу; начинаютъ понимать, что народъ можетъ быть враждебенъ только къ врагамъ своимъ и не способенъ отвѣтить на добро зломъ. Всюду, всюду повѣяло духомъ жизни. Не одно молодое, но и старое поколѣніе крестьянъ, убѣждается въ пользѣ образованія; опасаться неблагоприятнаго исхода въ этомъ отношеніи—нельзя. Это не мода. Мода къ нашему народу не привьется, какъ прививается она искусственно къ высшимъ классамъ; мода не сдѣлается его руководительницею. Уже если пошелъ онъ—такъ дойдетъ до своего, возьметъ свое. Нашей перфшительности, нашей неровной, боязливой походки у него нѣтъ. А чѣмъ, какъ не модой, можно объяснить, напримѣръ, желаніе черниговскаго общества завести у себя женскую гимназію? Собрали около 3000 р., что могло бы составить основной капиталъ гимназій, поручили эти деньги какому-то господину для помѣщенія въ Приказъ Общ. Призрѣнія, а господинъ изволилъ уѣхать за границу—и слѣдъ его простылъ... Составили новую подписку, собрали еще 300 руб. и поручили ихъ другому господину. Этотъ, вѣроятно, ободренный примѣромъ предшественника и равнодушіемъ своихъ любезныхъ согражданъ, тоже счелъ за лучшее—положить деньги въ свой карманъ и куда-то уѣхать... А Черниговцы остались безъ денегъ и безъ гимназій. Чѣмъ же это объяснить, какъ не модой, которая, за отсутствіемъ убѣжденія, внушила добрымъ людямъ желаніе—имѣть свою женскую гимназію... Вѣдь дѣло-то немаловажное, смотрѣть на него сквозь пальцы нельзя, такъ равнодушно относиться къ нему-безжалостно, чтобъ не сказать больше. Мы слышали, что господинъ, увезшій 3000 р., имѣлъ большія связи и потому, будто бы, неловко было напомнить ему о деньгахъ. А будто ловко потворствовать такому наглому обкрадыванію общества, да еще въ такомъ общепольномъ дѣ-

ль? Надѣмся, что дворянство вступится въ это дѣло, и очиститъ свою общественную совѣсть. Слабость тутъ непростительна.

Народъ никогда не допустилъ бы въ своей средѣ подобнаго оскорбительнаго поступка. Будемъ же помогать ему всѣми силами, чтобы онъ и намъ помогъ выйти на прямую дорогу; будемъ обучать его грамотѣ, издавать для него полезныя книги, примиримся съ нимъ пока есть время, поддержимъ его на новомъ гражданскомъ пути, снова внушимъ ему потерянную вѣру въ справедливость; заставимъ его своими честными дѣлами, забыть пѣсню (*), въ которой народъ вылилъ всю горечь своей души, наболѣвшей отъ неправды, истомленной тщетной жаждой правды:

Немá въ свѣтѣ правди! правди не зіськати!

Ужé тепѣрь правда у панівъ въ темниці!

А щіра неправда съ панáми въ свѣтлиці.

Ужé тепѣрь правда у панівъ у порóга!

А щіра неправда—сидіть конєць стóла.

Ужé тепѣрь правда у панівъ підъ ногáми!

А щіра неправда сидіть изъ панáми.

Ужé тепѣрь правду ногáми топáють!

А щіру неправду мѣдомъ наповáють.

Ужé тепѣрь правда у панівъ у дóлі!

А щіра неправда въ дóбрій волі.

Ужé тепѣрь правда—правда умирає!...

А щіра неправда—весь свѣтъ пожирає..

Ужé тепѣрь правда—правда вже помѣрла!..

А щіра неправда—увесь свѣтъ пожѣрла!...

Хотá бъ то ми мали ангельскіі крѣіли,

То ми бъ полетіли, тебѣ увиділи!

Бо вжé конєць віку ужé приближівся...

Хочъ рідного брата тепѣрь стережися:

Изъ нимъ въ сѣуду стáти—правди не зіськати!

Тільки срібломъ, златомъ панівъ насичáти...

(*) См. Записки о южной Руси и X книжка *Основы*.

Мы увѣрены, что при искренномъ, честномъ отношеніи образованнаго сословія къ народу возможно устранить упорное недовѣріе, которое теперь существуетъ, и съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ поступки, подобные слѣдующимъ: *Сѣверная Пчела* недавно сообщила, что помѣщикъ Харьковской губ., Григ. Петр. Данилевскій пожертвовалъ, недавно, жалованье свое, какъ депутата за Зміевскій, уѣздъ, по бывшему комитету объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, всего 680 р. сер. на пользу своего небольшого околотка; изъ нихъ 280 руб. пожертвованы на первоначальные расходы для учрежденія сельской школы, а 400 руб. на покупку книгъ для бѣднѣйшаго въ губерніи, Зміевского уѣзднаго училища, съ тѣмъ, чтобы эти книги послужили основаніемъ, въ Зміевѣ, публичной бібліотеки. Графъ де-Брозль-Платеръ, намѣренъ собственными средствами перестроить, въ м. Вишневецѣ Волынской губ., бывшій прежде монастырь Кармелитовъ, подъ помѣщеніе учебнаго заведенія, если только проектъ его объ открытіи въ этомъ мѣстечкѣ гимназій найдетъ поддержку, въ чемъ нельзя теперь сомнѣваться.

Уставныя грамоты составляютъ, въ настоящее время, главный предметъ дѣловыхъ заботъ въ Южномъ краѣ. Введеніе ихъ не вездѣ происходитъ одинаково. По словамъ «*Вилenskaго Вѣстника*», въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, крестьянскій вопросъ развивается довольно—дѣятельно, и большая, будто бы, часть уставныхъ грамотъ будетъ составлена втеченіи зимы; но тутъ же заявляется чрезвычайно—любопытный и важный случай такого рода: въ одномъ помѣстьѣ Кіевского уѣзда, крестьяне не хотѣли подписать уставной грамоты, основываясь на томъ, что было бы несправедливо оставить помѣщику половину всего количества земли, такъ-какъ у него въ семействѣ всего четыре души. Мы слышали, что подобныя основанія высказывались и еще въ другихъ мѣстахъ, не знаемъ только, чѣмъ оканчивались подобныя высказыванья. Какъ поступали мировые посредники въ такомъ случаѣ? Что отвѣчали имъ крестьяне на ихъ объясненія? и при какомъ убѣжденіи оставались? Отвѣтъ на эти вопросы разъяснилъ бы нѣкоторые юридическія понятія народа.

Кіевское губернское присутствіе, вѣроятно, имѣло причину издать постановленіе о введеніи уставныхъ грамотъ посредствомъ мѣстныхъ властей тамъ, гдѣ нѣтъ на это добровольнаго соглашенія со стороны крестьянъ:—мѣра, конечно, необходимая, но все таки мы пожалѣемъ, что обстоятельства вынудили прибѣгнуть къ ней, потому что, на пер-

вый разъ, она будетъ удовлетворять своей цѣли, но за то въ ней нѣтъ ручательства за будущее спокойствіе, такъ-какъ ею уничтожается начало добровольнаго соглашенія, а при немъ только и возможно прочное согласіе между помѣщиками и крестьянами. Остается желать скорѣйшаго окончанія обязательныхъ отношеній, а съ нимъ—этого тревожнаго состоянія, при которомъ и требовать невозможно правильнаго теченія жизни. Это, между прочимъ, мѣшаетъ уловить разныя мелкія явленія, характеризующія общее, естественное, положеніе народа за извѣстный промежутокъ времени, которые легко замѣтить, когда жизнь идетъ спокойно, своею обычной колесей. Хозяйство не устраивается какъ должно, на крѣпкихъ основаніяхъ вольнаго труда; взаимное недоверіе препятствуетъ успѣшному выходу изъ переходнаго времени; впрочемъ, скоро все должно опредѣлиться и выясниться. Что касается до происходившихъ прежде безпорядковъ отъ ожиданія новой воли, то они должны или совсѣмъ уничтожиться, или по-крайней-мѣрѣ, принять другой характеръ послѣ словъ Государя Императора, сказанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ лично крестьянамъ, во время путешествія Его Величества по Россіи и опубликованныхъ потомъ во всѣхъ почти газетахъ. Государю Императору угодно было лично разъяснять, старшинамъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, сущность дѣла и, напоминая имъ о ихъ обязанностяхъ, замѣтить, что *никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и положеніе 19 февраля*. Эти, ясно и опредѣленно сказанные, слова необходимо должны произвести въ народѣ свое дѣйствіе.

Кромѣ Кіевской губерніи, повѣрка и введеніе уставныхъ грамотъ были причиною безпорядковъ въ Черниговской и Харьковской. Мы не можемъ извлечь никакихъ любопытныхъ подробностей изъ тѣхъ сухихъ извѣстій, которыя сообщаются объ этихъ безпорядкахъ; знаемъ только, что характеръ ихъ почти вездѣ одинаковъ: при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, крестьяне большею частію отказываются отъ выбора уполномоченныхъ. Выборные же, въ свою очередь, а иногда и *добросовѣстные*, не подписываютъ актовъ о повѣркѣ; крестьяне не принимаютъ копій съ уставныхъ грамотъ, объясняя при томъ, что принявъ эти грамоты, они лишатся многихъ ожидаемыхъ льготъ и даже что *подвергнутся наказанію*. Нѣкоторые же не соглашаются принять ихъ просто потому, что находятъ для себя слишкомъ стѣснительны-

ми заключающіяся, въ этихъ грамотахъ, условія поземельныхъ отношеній между обѣими сторонами, или вслѣдствіе уменьшенія надѣла, или же, «при желаніи крестьянъ сохранить на пять лѣтъ весь прежній надѣлъ, по несоразмѣрному съ цѣнностью земли увеличенію повинностей». Здѣсь, слѣдовательно, идетъ дѣло о составленныхъ одною стороною, безъ соглашенія съ другою, грамотахъ; въ этихъ случаяхъ, является противорѣчіе крестьянъ и мѣстное начальство прибѣгаетъ, къ вооруженной силѣ, которая и водворяетъ спокойствіе.

Общественное крестьянское управленіе устроивается мало-по-малу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волостные суды получили нѣкоторое значеніе для крестьянъ; приговоры отличаются справедливостью и яснымъ взглядомъ на дѣло; крестьяне иногда присутствуютъ въ засѣданіяхъ судовъ, и между ними бываетъ много неприкосновенныхъ къ дѣлу. Присутствіе ихъ имѣетъ вліяніе на справедливость рѣшеній. Мы были бы очень благодарны за доставленіе намъ возможно—большихъ подробностей объ упомянутыхъ засѣданіяхъ, которыя не могутъ не занимать даже и не принимающихъ прямого участія въ народномъ устройствѣ. Явленіе это теперь новое, давно не бывалое въ южной руси и мы завидуемъ тѣмъ, которые имѣютъ возможность слѣдить за нимъ постепенно, шагъ за шагомъ и главное, на мѣстѣ. Суды эти напоминали намъ давно исчезнушіе, подъ посторонними вліяніями, общественные суды нашего народа, суды такъ—называемыхъ *сходатаевъ*, которыми разсматривались и рѣшались очень—важныя дѣла; иногда даже заспорившіе между собою помѣщики просили крестьянъ разрѣшать ихъ несогласія на своемъ судѣ.

Хотя г. Падалица и сообщаетъ въ письмѣ за прошлый мѣсяцъ, что «помѣщики (въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской) сдѣлали значительныя уступки,—отдали почти половину своего имущества (при устройствѣ крестьянскаго быта), что многіе изъ нихъ продолжаютъ пожертвованія, а многіе пришли уже въ упадокъ безъ надежды когда-нибудь поправиться», но передъ нами были факты и другого рода, правда дошедшіе—не официальнымъ путемъ, но тѣмъ не менѣе вѣрные. Изъ нихъ мы видѣли, что нѣкоторые помѣщики, оставляя въ сторонѣ путь откровенныхъ, прямыхъ отношеній съ крестьянами, прибѣгали къ хитрости. Напримѣръ, нѣсколько дней тому назадъ, намъ удалось имѣть въ рукахъ копію съ уставной грамоты, въ которой, при обозначенномъ количествѣ ежегоднаго поземельнаго взноса крестьянами денегъ, очевидно, съ умысломъ пропущено—сколь-

ко времени долженъ продолжаться этотъ платежъ. Мы только не знаемъ навѣрное, вошла-ли въ дѣйствіе эта грамота, и порадуемся за помѣщика, если не вошла. Что будетъ, если вдругъ крестьяне спохватятся (а спохватятся непременно) да увидятъ, что они обмануты, и что ужъ дѣла поправить нельзя? Нѣтъ, подобными путями нельзя дѣйствовать съ народомъ; притворства, а тѣмъ болѣе обмана, онъ не любитъ и если много ложнаго принимаетъ спокойно, то оттого только, что онъ еще не успѣлъ понять дѣла, что онъ еще довѣрчивѣе насъ, живущихъ въ иномъ мірѣ, при другихъ условіяхъ. Вотъ отчего мы раньше были убѣждены, что, по открытіи волостныхъ судовъ, правда и справедливость будутъ въ большемъ уваженіи. Неправду народъ близко принимаетъ къ сердцу и на нее онъ чрезвычайно злопамятенъ. Онъ не такъ равнодушно смотритъ на нее, какъ (опять-таки) мы, и сердце его до глубины возмущается обманомъ, хитрость юковарствомъ, ложью, особенно если ложь эту онъ видитъ тамъ, гдѣ, по его понятіямъ, должна на первомъ мѣстѣ, стоять правда. Говорите и дѣйствуйте съ народомъ прямо, открыто, честно и онъ будетъ любить васъ, и онъ довѣрчиво пойдетъ за вами, а отъ этого произойдетъ великая польза и вамъ, и вашему потомству.

Что касается до правительственныхъ постановленій по крестьянскому дѣлу, то мы укажемъ теперь только на нѣкоторые.

Главнымъ комитетомъ постановлено: впредь, до введенія взаимнаго страхованія крестьянскихъ строеній, выдавать въ пособіе пострадавшимъ отъ пожаровъ крестьянамъ не болѣе 45 р. на погорѣвшій дворъ.

Такъ-какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительная часть выкупныхъ договоровъ не можетъ совершиться безъ разсрочки дополнительныхъ выкупныхъ платежей въ пользу помѣщика, особенно въ настоящее время, при повсемѣстномъ безденежьи, то министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомляетъ начальниковъ губерній, что подобныя разсрочки, какъ не воспрещенныя «положеніями» о выкупѣ, могутъ быть допускаемы, тѣмъ болѣе, что на основаніи п. 1 ст. 68 означеннаго «Положенія»; при приобрѣтеніи крестьянами земельныхъ угодій, по соглашенію съ помѣщикомъ, вознагражденіе помѣщика крестьянами, сверхъ выкупной ссуды, не ограничивается никакимъ опредѣленнымъ размѣромъ и предоставляется усмотрѣнію договаривающихся сторонъ; кромѣ того, соглашенія эти могутъ относиться не къ однимъ денежнымъ платежамъ, но и къ другимъ способамъ вознагражденія.

Въ одной губерніи возникъ вопросъ: должны ли всѣ хлѣбные за-

пасы, учрежденные въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не по распоряженію правительства, а самихъ помѣщиковъ, безусловно быть признанными мірскими, не взирая на то, что нѣкоторые изъ нихъ составились изъ держками и средствами самихъ помѣщиковъ, или же вопросъ о каждомъ такомъ запасѣ долженъ быть предварительно обсуждаемъ, въ общемъ порядкѣ, мировыми посредниками и послѣдующими инстанціями. Въ разрѣшеніе сего сообщено, что въ каждомъ имѣніи, на основаніи уст. нар. прод., должны быть общественные сельскіе запасы, въ определенной закономъ пропорціи (ст. 126—160 и 184 уст.), и запасы эти, во-всякомъ случаѣ, составляютъ мірскую собственность, хотя бы они образовались посредствомъ сбора хлѣба съ общественныхъ запашекъ. Такимъ же образомъ должны принадлежать крестьянамъ и тѣ запасы, кои, хотя учреждены независимо отъ определенныхъ закономъ, но состояли доселѣ въ вѣдѣніи крестьянъ, какъ составлявшіе частную ихъ собственность, ибо они собирались съ полей, удобряемыхъ, обрабатываемыхъ и обсеменяемыхъ крестьянами на собственный счетъ. Что же касается запасовъ, учрежденныхъ въ имѣніяхъ (гдѣ имѣются уже установленные закономъ магазины) самими помѣщиками, безъ всякаго участія крестьянъ, то само-собою разумѣется, что подобныя запасы, по всей справедливости, должны оставаться неприкосновенною собственностію владѣльцевъ. Въ этихъ видахъ, министерство признало вполне-основательнымъ предоставленіе мировымъ посредникамъ разбора дѣлъ о таковыхъ запасахъ.

По случаю предположенія о передачѣ, въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ хлѣбныхъ запасовъ, находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, возникъ, вопросъ о принадлежности самихъ строеній, въ коихъ хранятся сіи запасы. Въ разъясненіе сего вопроса сообщено, что какъ, по закону (ст. 140—143 т. XIII уст. нар. прод.), попеченіе объ устройствѣ сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ возлагалось на обязанность владѣльцевъ, которые, за неисполненіе этой обязанности, подвергались даже взысканіямъ (ст. 1153 т. XV улож. о наказ.), то вполне-справедливо, вмѣстѣ съ запаснымъ хлѣбомъ, передать въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ и строенія, въ коихъ хранится хлѣбъ, тѣмъ-болѣе, что если на сіи строенія и отпускала помѣщичій лѣсъ, то сами строенія, безъ-сомнѣнія, воздвигались трудомъ крестьянъ.

Изъ двухъ губерній поступили представленія, по возникшему вопросу насчетъ засыпки хлѣба въ сельскіе запасные магазины за дворо-

выхъ людей. Въ разрѣшеніе сихъ представленій сообщено, что дворовые люди, приписанные къ недвижимымъ населеннымъ помѣщичьимъ имѣніямъ, по силѣ 134 ст. т. XIII уст. нар. прод., обязаны были хлѣбнымъ и денежнымъ сборомъ наравнѣ съ крестьянами. Обыкновенное полное количество хлѣбныхъ запасовъ положено, въ каждомъ магазинѣ, по одной съ половиною четверти на каждую ревизскую душу, и для пополненія этой пропорціи опредѣлено собирать по 6 гарнцевъ озимаго и яроваго хлѣба въ годъ (ст. 128 того же устава). Слѣдовательно, вся пропорція должна быть собрана въ 16 лѣтъ; а какъ сборъ установленъ еще въ 1834 г., т. е. около 28 лѣтъ тому назадъ, то помянутый хлѣбъ долженъ былъ давно поступить въ магазины въ полномъ количествѣ; сверхъ-же этого количества, никакого сбора нынѣ не требуется. Затѣмъ, съ дворовыхъ людей можетъ быть нынѣ взыскиваемъ хлѣбъ или по недоимкамъ за прежнее время, или по ссудамъ; но въ томъ и другомъ случаѣ, хлѣбъ этотъ долженъ былъ внесенъ, такъ-какъ дворовые люди, послѣ 2-хъ лѣтняго нахождения при владѣльцахъ, могутъ остаться въ средѣ тѣхъ же сельскихъ обществъ; притомъ лежащія, на сихъ людяхъ, взысканія, должны быть непременно очищены. При этомъ, конечно, можетъ возникнуть вопросъ: съ кого должно быть произведено взысканіе недоимочнаго и ссуднаго хлѣба, съ дворовыхъ людей или съ бывшихъ ихъ владѣльцевъ? Но, безъ-сомнѣнія, тамъ, гдѣ дворовые люди не имѣли поземельнаго надѣла и обязаны были постоянными услугами владѣльцамъ, взысканіе съ таковыхъ людей хлѣба едвали было бы согласно съ справедливостію и даже возможно; съ другой стороны, владѣльцы, на коихъ, по закону, лежало наблюденіе за исправнымъ состояніемъ сельскихъ магазиновъ, обязаны были сами заботиться о пополненіи магазиновъ за дворовыхъ людей, такъ-какъ эти люди, большею частію, находясь при своихъ владѣльцахъ, не имѣли никакой возможности производить за себя вносъ хлѣба въ магазины.

Въ разрѣшеніе возникшаго, по одной губерніи, вопроса о томъ, слѣдуетъ ли хлѣбъ, самовольно-разобранный изъ запасныхъ магазиновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, крестьянами или самими владѣльцами, взыскивать съ виновныхъ, натурою или деньгами, сообщено, что взысканіе, во-всякомъ случаѣ, должно быть преимущественно производимо хлѣбомъ, и что при требованіи хлѣба съ крестьянъ, слѣдовало бы обращать вниманіе на то, не будетъ ли для нихъ таковое требованіе

одновременнаго взноса израсходованнаго хлѣба слишкомъ-обременительно, особенно при настоящемъ ихъ положеніи.

На основаніи ст. 31 «Общаго Положенія о крестьянахъ», вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, мірскіе хлѣбные запасы составляютъ собственность крестьянскаго общества. Посему, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ предполагено передать находящіеся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ запасные магазины, съ наличнымъ въ нихъ хлѣбомъ, нынѣ же въ вѣдѣніе крестьянскихъ обществъ. Вслѣдствіе представленій о семъ губернскихъ начальствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило, что, по мнѣнію его, слѣдовало бы отложить эту передачу до приведенія въ дѣйствіе, по каждому имѣнію, уставной грамоты, такъ-какъ, по ст. 17 правилъ о приведеніи въ исполненіе крестьянскаго «Положенія», до того времени оставлено на помѣщикахъ попеченіе о продовольствіи крестьянъ. Впрочемъ, если таковая передача можетъ быть безъ неудобствъ произведена въ настоящее время, то къ сему нѣтъ препятствія, но съ тѣмъ только, чтобы передача эта, во-всякомъ-случаѣ, не освобождала помѣщиковъ отъ обязанности, возложенной на нихъ приведенною статьею.

Въ одной губерніи предполагено передать запасные сельскіе магазины, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ вѣдѣніе сельскихъ обществъ, съ тѣмъ наличнымъ хлѣбомъ, какой окажется въ магазинахъ, и съ предоставленіемъ обществамъ самимъ взыскивать недостающій по вѣдомостямъ хлѣбъ. На представленіе о семъ губернскаго начальства сообщено, что сельскія общества могутъ принять на себя пополненіе недостающаго хлѣба только въ-отношеніи тѣхъ количествъ, кои числятся въ долгу или недомкѣ за самими крестьянами: если же хлѣбъ разобранъ владѣльцами, то мѣстному начальству необходимо озаботиться, чтобы все разобранное количество было пополнено ими, такъ-какъ общественные сельскіе запасы составляютъ неотъемлемую собственность крестьянъ.

По-поводу возбужденнаго въ одномъ губернскомъ присутствіи вопроса: можетъ ли мировой посредникъ, на основаніи ст. 32 полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд., присуждать къ тѣлесному наказанію лицъ всѣхъ податныхъ состояній, и отминаятся ли сею статьею права, въ общемъ законѣ начертанныя, высочайше повелѣно разъяснить, что мировые посредники не могутъ, на основаніи ст. 32 полож. о учрежд. по крест. дѣл., присуждать къ тѣлесному наказанію мѣщанъ, а также вообще тѣхъ лицъ податнаго состоянія, которыя отъ

сего изъяты, въ силу правъ, въ общемъ законѣ установленныхъ. Въ случаѣ виновности мѣщанъ и упомянутыхъ лицъ по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ посредникамъ, они присуждаются къ денежному взысканію или аресту, въ предѣлахъ, указанныхъ въ 32 ст. полож. о учрежд. по крест. дѣл. (По журн. главн. ком. объ устр. сельск. сост. 27-го ноября, № 31).

Кстати о мировыхъ посредникахъ; вотъ уже довольно много времени мы читаемъ длинные списки мировыхъ посредниковъ, уволенныхъ отъ должностей. За неимѣніемъ никакихъ подробностей, кромѣ перечня фамилій, мы ничего не знаемъ о причинахъ подобныхъ увольненій, хотя для насъ причины эти были бы чрезвычайно любопытны и важны. Надѣемся, что насъ извѣстятъ о томъ. Теряться въ догадкахъ—безполезно, особенно на бумагѣ; намъ нужны вѣрныя данныя.

Казенныя подати и повинности вносятся, говорятъ, большею частію исправно. Мы ничего не знаемъ въ этомъ отношеніи о Херсонской губерніи, которая вообще не отличалась особенно-правильнымъ взносомъ податей. Тамъ эта неисправность до такой степени укоренилась, что нисколько не кажется странной. На многихъ крестьянахъ недоимки числятся по нѣскольку лѣтъ... Впрочемъ, при всеобщемъ бездѣнежьи, которое лучше всего характеризуетъ настоящее время, трудно бы было ожидать исправнаго платежа. Куда ни помотришь—отовсюду жалобы: на дороговизну, на недостатокъ частнаго кредита, происходящаго, очевидно, отъ безденежья, на упадокъ оттого же разныхъ родовъ промышленности, такъ что даже правительство принуждено было принять участіе во многихъ частныхъ дѣлахъ, чтобы устранить застой въ торговлѣ, который уже замѣтнымъ образомъ началъ обнаруживаться во многихъ мѣстахъ Кіевской, Волынской и другихъ губерній. Преимущественно замѣтенъ упадокъ сахарныхъ заводовъ, чему много способствовало, кромѣ безденежья, распущенные слухи объ уменьшеніи пошлины на заграничный сахаръ. Между тѣмъ, въ Кіевской губерніи, свекловичныя плантаціи годъ отъ году распространялись все больше и больше, такъ-что, въ 1860 году, было собрано свекловицы *до двухъ милліоновъ берковцевъ*,—а съ ними вмѣстѣ увеличивалось и сахарное производство. На него-то правительство и обратило вниманіе. Государю Императору угодно было одобрить представленіе г. министра финансовъ о допущеніи сахарныхъ заводчиковъ къ пользованію кредитомъ въ Кіевской конторѣ государственнаго бан-

ка на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ производится учетъ купеческихъ векселей. Г-нъ М. Грабовскій, стараніями котораго допущена эта полезная мѣра, въ проэктѣ своемъ доказываетъ, что контора банка, безъ всякой опасности для своихъ оборотовъ, можетъ производить ссуды, подѣ залогъ паровыхъ прессовъ, изъ которыхъ каждый вырабатываетъ изъ 5000 берковцевъ свекловицы 3332 пуда сахарнаго песку. Каждый заводчикъ, сообразно съ числомъ прессовъ, находящихся у него на заводѣ, можетъ пользоваться кредитомъ. На каждый прессъ полагается 7,500 р. сер., т. е. половина его стоимости. Для выдачи свидѣтельствъ на право кредита, г. Грабовскій предлагаетъ устроить особый комитетъ, составленный изъ двухъ директоровъ отъ дворянства, двухъ отъ сахарныхъ заводчиковъ и одного отъ купечества, а председателемъ назначить управляющаго конторою. Необходимыя для этого суммы (около трехъ съ половиною милліоновъ руб.) будутъ отчислены государственнымъ банкомъ. Это учрежденіе, дѣйствительно, должно въ самомъ скоромъ времени оказать свое полезное дѣйствіе, потому что, при своей очевидной выгоде для обѣихъ сторонъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ, по-видимому какихъ-либо стѣснительныхъ мѣръ для вкладчиковъ.

Въ Житомирѣ, мысль учрежденія городского кредитнаго общества еще въ прошломъ году была вѣсми хорошо принята. Но такъ-какъ тогда повели дѣло не тѣмъ путемъ, какимъ слѣдовало, то первая попытка оказалась неудачною. Теперь проектъ общества, за подписью болѣе 300 лицъ, представленъ начальнику губерніи, для внесенія на утвержденіе высшаго начальства. Пишутъ, что и тутъ не обошлось безъ противниковъ *новаго* учрежденія; но гдѣ новая, самая полезная, мысль сразу дается уразумѣнію каждаго?

При недостаткѣ частнаго кредита и отсутствіи денегъ, особенно въ такое время, какъ настоящее, учрежденіе поземельныхъ банковъ составляетъ самую насущную потребность. По случаю введенія правительствомъ новой кредитной системы, казенные банки существовавшіе до сихъ поръ, закрыты; вскорѣ затѣмъ послѣдовало преобразование крестьянскаго быта. Отсутствіе капитала, необходимаго для устройства хозяйства на вольномъ трудѣ, очевидно, имѣло прямое вліяніе на многочисленный классъ землевладѣльцевъ и, вообще, на землевладѣльческую промышленность. Потребность новыхъ кредитныхъ установленій была настоятельная; появилось нѣсколько проектовъ. Вслѣдъ за изданіемъ «Трудовъ Комиссіи Земскихъ Банковъ» нѣкто-

рые капиталисты, вмѣстѣ съ землевладѣльцами разныхъ губерній, приступили къ составленію проекта *общаго поземельнаго банка*. Число желающихъ принять въ немъ участіе возрасло уже до нѣсколькихъ милліоновъ и все еще не перестаетъ увеличиваться. Проектъ этого банка представленъ теперь на утвержденіе правительства.

Для улучшенія казенныхъ финансовъ, правительство признало нужнымъ увеличить нѣкоторые налоги, и 10 января обнародованъ Именной указъ, данный 30 декабря 1861 г. правительствующему сенату. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: Возвышеніе цѣнъ на все вообще потребности жизни имѣло послѣдствіемъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ на приобрѣтеніе предметовъ, нужныхъ по разнымъ частямъ управленія. Оно съ тѣмъ вмѣстѣ и усилило вообще, особенно же въ производительныхъ классахъ народа, способы къ выгоднѣйшимъ заработкамъ и къ полученію вознагражденія за труды въ большемъ, противъ прежняго, размѣрѣ. Сіе положеніе дѣлъ, доказывая съ одной стороны необходимость нѣсколько увеличить подати и прочіе поступающіе въ казенный доходъ сборы, съ другой же служитъ ручательствомъ, что сіи сборы не обратятся въ обремененіе тѣхъ, до кого касаются.

Составленные въ министерствахъ, по принадлежности, предположенія, для достиженія сей двоякой цѣли, рассмотрѣны и одобрены государственнымъ совѣтомъ. Вслѣдствіе того, съ 1862 года, 1) увеличивается размѣръ податей и налоговъ со всехъ лицъ податныхъ званій; 2) возвышается цѣна на гербовую бумагу разныхъ достоинствъ; 3) съ привозныхъ товаровъ по европейской и азіатской торговлѣ возвышаются все пошлины на 50% съ рубля, исключаются изъ сего: по торговлѣ европейской—только сахаръ сырецъ и рафинированный, а по азіатской—товары турецкаго и персидскаго происхожденія, привозимые чрезъ закавказскій край и въ астраханскій портъ. Взиманіе сей возвышенной пошлины начнется въ европейскихъ таможахъ съ 1-го апрѣля, а въ азіатскихъ съ 1-го мая 1862 года. 4) По почтовому вѣдомству:

а) почтовая такса съ посылокъ, какъ съ простыхъ, такъ и съ документами, увеличивается 3 к. съ фунта;

б) за письма страховыя, вмѣсто 20, будетъ взиматься впередъ по 25 к. съ каждаго лота, и

в) за росписки, выдаваемыя подавателямъ корреспонденцій, вмѣсто существующихъ нынѣ платежей, впередъ взиматься будетъ по 3 к. за каждую росписку.

Въ вѣдомостяхъ, приложенныхъ къ указу, между прочимъ, определены оклады податей съ сословіи, состоящихъ въ завѣдываніи министерства государственныхъ имуществъ: *Подушныя подати*: съ Татаръ въ Крыму—75 к.; съ колонистовъ и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области 3 р. съ семейства; съ государственныхъ крестьянъ бурлаковъ той же области 3 р. съ души; съ казаковъ Черниговской и Полтавской губерній 4 р. 52 к. *Оброчныя подати*: съ государственныхъ крестьянъ Херсонской губ. 2 р. 85 к.; Черниговской и Полтавской 2 р. 53 к.; съ колонистовъ въ Таврической, Херсонской и Екатеринославской губ. 2 р. 85 к.; съ колонистовъ и государственныхъ крестьянъ Бессарабской области 7 р. 5 к. съ семейства; съ бурлаковъ той же области съ души 63 к.; съ крестьянъ бывшихъ южныхъ поселеній 2 р. 84 к. Съ государственныхъ крестьянъ губерній, въ которыхъ введена подоходная раскладка, въ томъ числѣ: Харьковской 3 р. 30 к.; Екатеринославской 3 р. Оброчная подать въ губерніяхъ (между прочимъ) Кіевской, Волынской, Подольской, въ которыхъ крестьяне платятъ поземельный оброкъ, определенный прежнимъ регулированіемъ, увеличивается на 10%. Съ сословіи, состоящихъ въ завѣдываніи другихъ управленій: съ мѣщанъ, цеховыхъ и пригородныхъ обывателей Европейской Россіи 2 р. 50 к.; съ временно-обязанныхъ поселянъ и дворовыхъ людей 1 р.; по Бессарабіи: съ цеховыхъ и ремесленниковъ царанъ и городскихъ жителей простаго состоянія съ семейства 3 р.; тѣхъ же званій съ холостыхъ 3 р.; съ евреевъ 2 р. 50 к.; съ дворовыхъ людей 90 к.; съ дворовыхъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ цыганъ 1 р.; съ населенныхъ въ Крыму ординацкихъ крестьянъ а) 1 р.; б)—83.

Вскорѣ питейные откупы будутъ замѣнены казеннымъ управленіемъ акцизныхъ сборовъ. Дѣйствующіе нынѣ способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, по мнѣнію правительства, «представляютъ многія, существенныя, неудобства.» Не смотря на болѣе ограниченное значеніе откуповъ въ южноуеусскомъ краѣ, частная промышленность сильно отъ нихъ страдала. Говорятъ что нынѣ откупщики стараются удерживать за собою винную монополію, хотя въ другой формѣ, именно арендованіемъ наиболѣе значительныхъ заводовъ и учрежденіемъ большихъ оптовыхъ складовъ, съ цѣлію задавить мелкую промышленность. Желательно, чтобы хоть въ этомъ случаѣ слабое не подалось сильному, потому что, по извѣстному экономическому закону, мелкая про-

изводительность не можетъ устоять противъ напора большихъ капиталовъ,—какими ворочаютъ откупщики. Чего добраго, они и верхъ возмуть, въ особенности, если наши мелкіе промышленники, хоть при помощи ассоціацій, не стануть съ ними соперничать соединивъ свои капиталы, а еще больше, если махнуть рукой, не желая нарушать свое спокойствіе въ невѣрной борьбѣ съ сильнѣйшими врагами. Нѣтъ, ужъ если представляется возможность,—такъ надо взяться за дѣло дружно, чтобъ не попасть изъ огня въ полымя; иначе, при захватѣ, въ свои руки, наибольшей части винокурения въ извѣстной мѣстности, откупщикъ станеть такимъ же неограниченнымъ, полновластнымъ бариномъ, какимъ былъ онъ до сихъ поръ.

Здѣсь кстати сообщить отвѣты г. Киттары на нѣкоторые, присланные къ нему, вопросы, касательно винокурения. Такъ—какъ предметъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія хозяевъ, то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь эти отвѣты хоть вкратцѣ.

1) *Гдѣ лучшее устройство винокуренныхъ заводовъ за границей?* Г. Киттары отвѣчаетъ, что подъ словами *лучшее устройство*, главнымъ образомъ нужно понимать лучшіе перегонные аппараты. По современнымъ условіямъ, англійская система наиболѣе пригодна для Россіи. Муспаръ особенно говоритъ о винокуренномъ заводѣ Макфорляна и Комп. въ Глазговѣ.

2) *Можетъ-ли быть винокурение, при употребленіи паровика высокаго давленія (4 атмосферы), вмѣсто паровиковъ въ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ атмосферы, каковыя нынѣ при винокурении употребляются?* Можетъ; и паръ, подъ давленіемъ 4 атмосферъ, входя въ бражную кубъ, еще скорѣе приведетъ брагу въ кипѣніе, такъ какъ температура его равна не 100, а 145.4° по Цельсію.

3) *Не будутъ-ли пары высокаго давленія запаривать (портить) бродильной жидкости?* Нѣтъ, потому что температура 145.4° Ц. не должна оказывать разрушающаго дѣйствія на тѣ вещества, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, состоитъ брага:—минеральныя соли, азотистыя вещества, летучія масла, а иногда и неразложенный сахаръ и отруби.

4) *Ведро воды обращенное въ паръ 4 атмосферъ, сколько можетъ испарить ведръ бродильной жидкости въ паръ для выхода спирта?* Положительно отвѣчать на этотъ вопросъ трудно, потому что брага можетъ быть различной степени густоты, вслѣдствіе чего измѣняется и точка ея кипѣнія.

5) *Какой атмосферы будетъ паръ отдѣляющагося спирта?* Такъ какъ перегонные аппараты не закупорены герметически и проводныя трубы, ведущія пары воды и спирта, не разобщены съ вѣшнимъ воздухомъ, то нѣтъ причинъ думать, чтобы пары спирта были болѣе одной атмосферы давленія, если діаметры трубъ пропорціональны количеству образующагося пара.

6) *Пудъ ржаной муки, по количеству выхода спирта, какому вѣсу равняется картофеля?* На это трудно отвѣчать даже средней цифрою, но приблизительно:—одинъ пудъ ржаной муки долженъ отвѣчать тремъ съ половиною пудамъ картофеля.

Имѣя вѣрное основаніе совѣтовать нашимъ хозяевамъ воспользо- ваться слѣдующимъ—весьма разумнымъ — приглашеніемъ извѣстнаго своими познаніями и честностью Чешскаго профессора, *Ф. И. Гезберы*, сообщаемъ письмо его слово-въ-слово. Вотъ оно: «*Къ сельскимъ хозяевамъ (помѣщикамъ), купцамъ, фабрикантамъ, промышленникамъ и т. д.*

«Почти во вѣсѣхъ Европейскихъ государствахъ измѣнились отношенія государственныя и общественныя, и можно надѣяться, что скоро явится требованіе, чтобы каждый, въ какой бы то землѣ онъ не искалъ занятія, кромѣ извѣстныхъ специальныхъ свѣдѣній, знать и языкъ той страны, въ которой онъ намѣренъ жить, — чего до сего времени не существовало.—Въ образованной Чехіи (Богеміи) при руководствѣ умныхъ педагоговъ постоянно распространяются реальныя и другія практическія заведенія въ такой мѣрѣ, что скоро не будетъ возможности дать занятія многимъ лицамъ, окончивающимъ эти заведенія, такъ что они принуждены будутъ искать занятій и средствъ къ жизни внѣ своего отечества, что уже и дѣлаютъ музыканты, художники и другія лица. — Хорошо понимая положеніе Славянскихъ народовъ, я вижу ясно, что именно въ настоящее время нисходитъ благодать Божія на плодоносныя земли православныхъ Славянъ: Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ — нашихъ единоплеменниковъ, и что въ этихъ земляхъ а особенно въ неизмѣримой Россіи уже чувствуется потребность въ производительныхъ нравственныхъ силахъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности. — Обсудивъ это я началъ усердно разиространять теоретически и практически славянскую письменность и преимущественно знаніе русскаго языка между западными Славянами. Мысль мою одобрили опытные лица въ дѣлѣ технического образованія и другіе просвѣщенные, практическіе люди въ Чешскомъ народѣ, хорошо понимая,

что знаніе русскаго языка можетъ принести пользу нашимъ техникамъ и промышленникамъ.

«Императ. королевск. государственное министерство позволяетъ мнѣ преподаваніе русскаго языка въ королевскомъ, земскомъ, политехническомъ институтѣ въ Прагѣ. Русскому языку уже учатся у меня не только техники по разнымъ отраслямъ, какъ то: агрономы, химики, архитекторы, а также филологи, учителя, купцы, промышленники, кандидаты медицины, правъ и прочіе.

«По этому—то я счелъ моею обязанностию обратиться къ Вамъ публично съ просьбою, чтобы Вы, подобно Болгарамъ, Сербамъ и Хорватамъ, при недостаткѣ домашнихъ силъ не забывали своихъ братьевъ, Славянъ—Чеховъ (самого образованнаго племени въ австрійской имперіи), которые начинаютъ усердно изучать языкъ могучаго русскаго народа, желая предложить Вамъ свои услуги и служить Вамъ честно, честище всякихъ другихъ иноземцевъ, которые незная русскаго языка и не желая его знать, уже поэтому одному не могутъ принести никакой пользы русскому народу.

«Языкъ есть ключъ къ познанію духовнаго и матеріальнаго состоянія народа — и поэтому, кто желаетъ быть полезнымъ народу, долженъ необходимо знать его языкъ.

«Если Русскіе примутъ мое предложеніе, то многіе изъ моихъ соотечественниковъ небудутъ вынуждены искать занятій въ другихъ странахъ, гдѣ со временемъ ихъ поколѣніе погибнетъ для Славянскаго міра. Что касается рекомендаціи нужныхъ Вамъ людей, то это по моей просьбѣ приняли на себя компетентныя (опытныя) лица, пользующіяся довѣріемъ чешскаго народа. Желаю Вамъ и всемъ благомыслящимъ Славянамъ всякаго благополучія, — да взойдетъ солнце истинной христіанской любви и свободы надъ всеми народами вселенной! Прага, Ноября 1861 года. Желающіе могутъ обращаться франкированными письмами:

Proffessor Jesbera. in Prag (Bohemia), Stephansgasse, № 620.

На этотъ разъ, мы не успѣли сдѣлать нашу лѣтопись такою, какою желали бы ее видѣть; но съ слѣдующей книжки, надѣмся, она будетъ гораздо полнѣе и занимательнѣе. Оканчиваемъ ее извѣстіями, безъ — сомнѣнія любопытными для каждаго украинца.

— *Смерть М. В. Остроградскаго.* «Московскія вѣдомости» первыя сообщили эту печальную вѣсть въ слѣдующемъ письмѣ изъ Полтавы: «Малороссія, схоронившая, въ февралѣ 1861 года, своего поэта, про-

водила въ могилу другаго изъ своихъ сыновъ, которымъ гордилась. 20-го декабря скончался, послѣ мучительной болѣзни, проживавшій въ Полтавѣ академикъ М. В. Остроградскій. Это событіе было принято всѣми въ нашемъ городѣ съ искреннею горестію. Тѣло покойнаго было перенесено въ церковь кадетскаго корпуса. Мѣстное начальство, многіе изъ дворянъ, бывшихъ въ городѣ, учебныя заведенія и лица разныхъ состояній присутствовали при отпѣваніи тѣла. Надгробныя рѣчи были произнесены протоіереемъ Думитрашкомъ и учителями корпуса и гимназій, гг. Ильашевичемъ и Стеблинъ-Каминскимъ. Присутствовавшіе проводили останки знаменитаго математика далеко за заставу, на вѣчное упокоеніе въ фамильномъ склепѣ Остроградскихъ, въ м. Голтвѣ, на живописныхъ берегахъ Псла. Хотя талантливые труженики чистой науки оцѣниваются немногими, однакожъ нельзя было не замѣтить, въ присутствовавшихъ, душевной печали: имя Остроградскаго было популярно на его родинѣ, даже въ тѣхъ слояхъ общества, до которыхъ ученая извѣстность достигаетъ только какъ темный слухъ. Происходя отъ старинной Малороссійской фамиліи, получивъ начальное образованіе въ Полтавской гимназій, покойный академикъ сохранилъ въ обращеніи, языкѣ и воззрѣніи на многое отпечатокъ своей родины и всегда оказывалъ живое и дѣятельное сочувствіе къ ея успѣхамъ, умственнымъ и матеріальнымъ. Во время частыхъ пріѣздовъ въ Малороссію, Остроградскій жила въ обыкновенно въ Полтавѣ, которую любилъ какъ мѣсто, напоминавшее ему годы дѣтства, или въ своемъ имѣніи, находящемся недалеко отъ Полтавы; земляки не пропускали случая, всякій разъ, чѣмъ нибудь заявлять ему свое уваженіе, цѣня въ немъ собственную славу. Онъ всегда желалъ сложить свои кости на любимой родинѣ: такъ и исполнилось. Специалисты опредѣляютъ значеніе этого ученаго въ исторіи науки, но уже теперь можно, кажется, сказать, что въ довольно-длинномъ ряду замѣчательныхъ личностей, которыхъ родиною была Полтавская губернія, Остроградскій будетъ всегда занимать видное мѣсто. Глядя на цвѣтущее юношество, густою толпою окружившее гробъ знаменитаго наставника, мы невольно молились о томъ, чтобы наше даровитое племя не переставало давать благородныхъ и талантливыхъ дѣятелей для науки и для общества.»

Постараемся вскорѣ сообщить читателямъ *Основы* біографическія свѣдѣнія о нашемъ славномъ землякѣ.

— *Бюстъ Шевченка.* Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова, въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной

Библіотеки, выставленъ поясной гипсовый бюстъ *Т. Гр. Шевченка*, работы художника *О. О. Каменскаго*, dokonченный профессоромъ—академикомъ *Пименовымъ*. Подобные бюсты продаются по *5 р. ср. безъ пересылки*.

— *Украинскія граматки*. Въ Москвѣ *А. Н. Яценко* издалъ новый букварь, или *граматку за—для українського люду*. Не смотря на не всегда—удачный выборъ примѣровъ для чтенія дѣтей; эта граматка представляетъ весьма хорошее руководство обученія грамотѣ по болѣе — легкому способу, давно обдуманному и испытанному г. Яценкомъ (см. IX книжку *Основы о дѣтскомъ языкѣ*.) Цѣна этой граматки — *5 к. ср.*

— Кромѣ граматки г. Яценка, въ Москвѣ же изданы были недавно еще двѣ, подъ названіемъ: *Українська абѣтка*, *Н. Гащука*, (15 к.) и *Українська граматка*, *И. Деркача*, (5 к.) Ихъ можно покупать у авторовъ, въ университетѣ, и у книгопродавца *А. И. Глазунова*.

Напомнимъ, при этомъ случаѣ, о трехъ другихъ граматкахъ: 1, *Грамматка*, *П. А. Куліша*, (5 к.); 2, *Южнорусскій букварь*, *Т. Гр. Шевченка* (3 к.) и 3, *Домашня наука*, *К. Шейковского*, въ двухъ книжкахъ (30 к.) Первые двѣ можно купить у книгопродавца *Дм. Еф. Кожанчикова*, а последнюю — въ *Кіевѣ*, у автора и у книгопродавца *В. Г. Борщевскаго*, и въ *Полтавѣ* — у книгопродавца *Х. Л. Изопольскаго*.

— *Сборникъ украинскихъ стихотвореній П. А. Кулиша*. Этотъ сборникъ вскорѣ долженъ выйти, подъ названіемъ — *Досвіт-ки*, значеніе котораго объясняется слѣдующимъ стихотворнымъ вступленіемъ:

У — досвіта вставъ я... темно ще на—дворі;

Дѣ — не — де по хатахъ яснѣ світло сѣ,

Сѣ яснѣ, світло якъ на небі зорі...

Дивуюсь, радію, у сѣрця питаю:

» Скажи, віще сѣрце, чи скоро світъ буде?»

— » Ой скоро світъ буде,

Прокінутця люде,

У всяке віконце

Засійє сонце.»

Ой удáрю жъ зъ-разу ў стрúни живій:
 Прокінйтесь, вставайте, старіі й маліі!
 Віщувáннямъ новимъ сёрце моє бьётця,
 Черезъ-край изъ сёрця рідне слово ллетця.—

— *Голосъ Галичанъ*. П. А. Кулишъ помѣстилъ одно изъ своихъ украинскихъ стихотвореній (*За Дунаю*) въ Львовской русинско-газетѣ: *Слово* (№ 71) Вслѣдъ за тѣмъ, редакція *Слова* напечатала, съ своею замѣткою, отвѣты дорогихъ и близкихъ намъ Галичанъ, полные горячаго сочувствія: (не знаемъ, обратили ль П. С. Аксаковъ и Вл. Ив. Ламанскій вниманіе на голосъ нашихъ братьевъ). Сообщаемъ изъ *Слова* точную выписку:

I. Отвѣтъ зъ-подъ Бискида на голосъ »Зъ-за Дунаю«.

Ой лети соколе
 Та на Украину
 А зъ-вітатъ къ Бескиду
 По-надъ Галичину.
 Славна колись була
 Славна Галичина,
 Ту є рідни люди
 И рідна родина.
 Нині встреневулись
 Наши соколята,
 Тебе привітають,
 Скажуть: рідна хата
 Чимъ має, пріймає.
 Розгостися батьку —
 Всего у насъ мало,
 А серця въ достатку.
 Яструби съ орлами
 Випивали очи,
 Розносили тіло,
 Полеми по-убочи.
 А вовки и лиси
 Зъ яругъ уже вили,
 Намъ на похорони —
 Гребали могили.
 Щоби наши кості
 Збити, споругани
 И вітромъ-вітриломъ
 Порозкидовани
 Не встали при зіркахъ
 Та и не помчались
 Довгимъ хороводомъ,
 Где не повстрічались.
 И сёрце намъ пили

Въ куски роздерали
 И нашимъ страданьямъ
 Гірко ся ругали.
 Но годі имъ було
 Всю кровцю испити,
 Наши голи кости
 Въ сирую зарити.
 Въ наши кости бури
 И вітри звонили,
 Дожди за дожджами
 Ихъ на полю мили.
 Вже вовки и лиси
 Отъ нихъ утікали,
 На нихъ орелъ, яструбъ
 Вже не спозирали,
 И чудомъ не чудомъ —
 Вотъ, батьку-соколе
 Умерці здвигнулись,
 На рідимомъ полі.
 Та стали соколи
 Молоди літати,
 Зірками-очами
 За Бискидъ сягати;
 А Бескидъ розморщивъ
 Чоло, поднісъ брови,
 И нашуривъ уха,
 Кинувъ взоръ суровий
 На поля далеки,
 На степи широки —
 А туди соколи
 Взбились бистрооки.
 »У мене яруги,
 У мене є скали«;

Гомонить сердито
Бескидъ величавий:
»Вовкамъ и лисицямъ
Въ яругахъ заритись,
Яструбамъ съ орлами
Не тутки гніздитись.
Межъ твердима скали
Ту ихъ гробъ-могила;
Ту однимъ соколамъ
Вширь ширити крила;
А зъ вітсі на волю
Гень, гень вилітати,
Въ лобъ вовкамъ и лисамъ
Клюви запускати!«
Чи сллишишь, соколе,
И ти, Україно,

Чи сллишишь и наша
Бідна Галичино?
Гей-гей, сжался Боже!
Та надъ вашой долею,
Та надъ вашимъ горемъ,
Вашею неволею!
Коли въ вашу хату
Світъ-сонце загляне,
Коли у васъ темна
Чорна нічъ устане?
Та коли покинуть
Васъ вже здобувати
И вашимъ уборомъ
Себе уберати?

И. Гушалевичъ.

II. Братові зъ-за Дунаю.

Коли ймень кидати
Чужую чужину,
Соколомъ вертати
Въ рідну Україну;
Не минай родини
Старой Галичини,
Вступи, милий брате,
До нашої хати!
Щиро руськимъ словомъ
Тебе поздоровимъ,
Подъ святи икони
Тебе посадовимъ!
Божимъ хлібомъ-солью
Ймень тебе приймати,
О счастью, здоровью
Родини питати;
Та й тобі розкажемъ
Про нужду домашню, —
Та журбу всегдашню
Чей разомъ розважимъ.
Ой бо наша воля —
Щербата доля:
Гонять вороженьки
Изъ рідного поля;
Нашу рідъ — родину
Стару Галичину

Своевъ пазывають,
Намъ ю отчужають...
И такъ сиротами
На рідной землиці
Батьківъ гроби допчемъ.
Плачемъ по сестрині.
Тяжко малой птиці
Меже яструбами,
Сироті ще тяжче
Помежъ свояками!
Тільки ви сердечні
Вкраїнські орлята,
Діти одной крови,
Ви наша вітрада!
Отъ такъ, любий брате,
Гараздъ и недолю,
Счастье и неволю,
Весь кліпнѣть и труди
Разомъ поділяти...
Легче сердцю буде'
Оттакъ на вігходномъ
Тебе проведемо,
Поклонъ родиноньці
На Вкрайну пошлемо!

Галичанинъ.